

ПОЛКОВНИК ЛАПИНСКИЙ И ЕГО МЕМУАРЫ

Сообщение В. Тренца

I

12 сентября 1863 г. Маркс писал из Лондона Энгельсу: «Самый интересный человек, с которым я здесь познакомился, это полковник Лапинский. Это безусловно самый умный поляк и при том *homme d'action* [человек действия] из всех, которых я знаю. Все его симпатии на стороне немцев, хотя он по своим манерам и языку француз»¹.

Кроме этой характеристики известны отзывы о Лапинском, принадлежащие Бакунину и Герцену.

Бакунин познакомился с Лапинским в марте 1863 г., когда Лапинский приехал в Швецию во главе морской экспедиции польских повстанцев. Первое впечатление Бакунина о Лапинском было очень благоприятным, как видно из его письма к Герцену: «Сначала Лапинский мне очень и почти безусловно понравился и я вам сказал это в нескольких письмах»².

К сожалению, эти письма до сих пор не опубликованы, если только они, вообще, сохранились. Зато сохранилось письмо Бакунина к Герцену, свидетельствующее, что Бакунин вскоре изменил свое отношение к Лапинскому: «Лапинский храбрый, ловкий, смышленный, но бессовестный или, по крайней мере, широкосовестный кондотьер, патриот в смысле непримиримой и непобедимой ненависти к русским, как военный по ремеслу ненавидящий и презирающий всякий, даже свой собственный народ»³.

Герцен ответил Бакунину шутливым упреком: «За что же, шер ами, ты о нас бедных судишь по себе и думаешь, что мы, видевши раз пять часов по пяти Лапинского, не оценили его вполне?»⁴

Впоследствии сам Герцен посвятил Лапинскому целую главу в своих мемуарах, причем его характеристика в значительной степени следует за отзывом Бакунина, но еще усиливает его отрицательную окраску:

«Лапинский был в полном смысле слова кондотьер. Твердых политических убеждений у него не было никаких. Он мог идти с «белыми» и «красными», с чистыми и грязными; принадлежа по рождению к галицийской шляхте, по воспитанию к австрийской армии, он сильно тянул к Вене. Россию и все русское он ненавидел дико, безумно, несправимо. Ремесло свое, вероятно, он знал, вел долго войну и написал замечательную книгу о Кавказе»⁵.

Сводка высказываний Маркса, Бакунина и Герцена о Лапинском дает достаточно ясное представление об авантюристических наклонностях полковника, но для правильной оценки его идеологической позиции и той роли, которую он играл в рядах революционной эмиграции, необходимо обратиться к фактам его биографии.

Только таким путем можно проверить утверждение Герцена о политической беспринципности Лапинского и расшифровать в высшей степени своеобразные воспоминания самого Лапинского, в которых он рассказывает о своем знакомстве с Марксом, Бакуниным и Герценом.

II

Биография Теофиля Лапинского дает богатый материал для авантюрного романа.

В период 1857—1863 гг. имя Лапинского встречается во многих европейских газетах⁶. Вполне понятно, что газетные сообщения о Лапинском в своем большинстве очень недостоверны: ему приписывали несовершенные им подвиги, присваивали ему титул графа и т. д. Но и биографические сведения о Лапинском, сохранившиеся в научных изданиях, представляют собой сумму ошибок.

В крупнейших европейских справочниках: в *Encyclopaedia Britannica*, в немецких словарях Брокгауза, Гердера и Мейера, во французских *Grande Encyclopédie* и словаре Лярусса имя Лапинского, вообще, отсутствует. Нет его и в русских словарях.

Небольшие биографические заметки о Лапинском имеются в следующих изданиях: в пяти польских энциклопедиях (издания 1901, 1910, 1927, 1931 и 1934 гг.), в двух мадьярских энциклопедиях, в двух чешских энциклопедических словарях и в австрийском биографическом лексиконе доктора К. Вурцбаха.

Самые неожиданные сведения мы можем найти, как это ни странно — в польской «Всеобщей энциклопедии С. Оргельбранда»⁷. Здесь Лапинский попросту раздвоился.

Первая заметка о нем сообщает: «Лапинский Теофиль, родился в Галиции, получил образование в Венской академии Терезии, был артиллерийским офицером. В 1848 г. сражался против [sic!] венгров с Шандором Нодь. Потом переселился в Турцию и принял имя Таффик-бея. В 1850 г. был на Кавказе. После Крымской кампании возвратился в Турцию, а после 1863 г. переселился во Францию. Издал «Поход главной венгерской армии в 1849 г. Пережитое». (Гамбург, 1850), «Горцы Кавказа и их борьба с русскими за свободу» (2 тт., Гамбург, 1863)».

Вторая заметка: «Лапинский П. [sic!] автор, проживавший в Галиции, написал: «Морская экспедиция повстанцев на Литву (Львов, 1878)».

Главнейший инициал «П.», введенный в заблуждение автора заметки и действительно стоящий на титульном листе книги Лапинского, повидимому, расшифровывается следующим образом: это начальная буква слова «pułkownik» — «полковник».

Эти же неточные сведения повторяются и в другой польской энциклопедии: *Wielka Encyklopedia Ilustrowana*⁸.

В чешской энциклопедии⁹ внесена поправка, что Лапинский сражался не против венгров, а за венгров, под начальством венгерского генерала Нодь-Шандора, но дата пребывания Лапинского на Кавказе отнесена также к 1850 г. По данным венгерской энциклопедии Паллаша¹⁰ Лапинский в 1858 г. появляется в Вене и затем уже через Константинополь едет на Кавказ; по сведениям другой мадьярской энциклопедии Синьэя¹¹ и по австрийскому словарю Вурцбаха¹² Лапинский, находится на Кавказе во время Крымской кампании, т. е. в 1853—1855 гг. По «Алфавитному указателю венгерских эмигрантов 1848—1864 гг.», составленному К. М. Кертбени [Бенкертом]¹³, Лапинский сражался в Черкессии в 1855 г., а в 1863 г. он, якобы, уже получил чин польского генерала.

В этом разное дат чрезвычайно трудно разобраться; но все эти указания неверны.

Только новая польская энциклопедия *Trzaski, Ewerta i Michalskiego*¹⁴ благодушно воздерживается от точной датировки событий и правильно намечает их последовательность:

«Лапинский Теофиль (Таффик-бей), полковник и писатель. Сражался в 1849 г. в Венгрии, потом эмигрировал в Турцию, руководил экспедицией на Кавказ, имевшей целью помочь горцам в войне против России; в 1863 г. был начальником неудачной морской экспедиции, которая из Лондона должна была достигнуть до округа Полангена; издал на немецком и польском языках ряд сочинений и воспоминаний».

И, наконец, в новейших словарях тех же *Trzaski, Ewerta i Michalskiego*¹⁵ впервые указаны даты рождения и смерти Лапинского: 1826—1886.

К сожалению, и здесь кажется сомнительным год рождения Лапинского. По его собственному указанию, он родился 19 декабря 1827 г. (см. следующее место из его книги: «Горцы Кавказа и их борьба с русскими за свободу»: «В ночь с 19 на 20 декабря [1858 г. — В. Т.] я остановился у Пшимаф Омера, уорка [черкесского дворянина] на реке Шипс. Был мой тридцать первый год рождения») ¹⁶.

ТЕОФИЛЬ ЛАПИНСКИЙ

Портрет из книги: А. Lewak «Dzieje emigracji polskiej w Turcji», 1935.

III

С юных лет призванием Лапинского было «военное ремесло».

Окончив курс в Венской военной академии имени императрицы Терезы, Лапинский вступил в австрийскую королевскую артиллерию.

В 1849 г., в возрасте 22 лет, Лапинский, как и многие другие поляки, служившие в австрийской армии, перешел на сторону мадьяр, восставших против власти австрийского императора.

В качестве артиллерийского офицера в I корпусе венгерской революционной армии под командой генерала Нодь-Шандора Лапинский проделал весь поход и участвовал в нескольких сражениях. Несмотря на свою молодость, Лапинский в конце похода был фактическим командиром корпусной артиллерии, которая даже по русским отзывам представляла собой лучшую часть венгерской армии.

В то время, как главнокомандующий венгерской армией Артур Гергей сложил знамена перед русской интервенционной армией у Виллагоса, Лапинский находился в крепости Коморн, начальником которой был генерал Георг Клапка. В этой крепости соединились последние военные силы венгерской революции.

После того как генерал Клапка подписал договор о капитуляции Коморна, Лапинский в числе других «коморнских капитулянтов» получил паспорт на выезд

в Турцию. Из Константинополя Лапинский, в начале 1850 г., переехал в Гамбург, где в том же году выпустил свою первую книгу: «Поход главной венгерской армии в 1849 г.»¹⁷.

Деятельность Лапинского во время венгерской революции привлекла внимание Карла Маркса. В своем замечательном памфлете «Господин Фогт»¹⁸ Маркс, в то время еще не знавший лично Лапинского, характеризует события последних дней венгерской революции, пользуясь, главным образом, материалом его книги.

Так, например, полемизируя с утверждениями Карла Фогта (в его книге «*Studium zur gegenwärtigen Lage Europas*», Genf, 1859), Маркс противопоставляет им цитату из книги «Поход главной венгерской армии».

«Несчастьем венгров» — говорит польский полковник Лапинский, дравшийся против русских сперва, до сдачи Коморна, в венгерской революционной армии, а затем в Черкессии, — «несчастьем венгров было то, что они не знали русских» (*Theophil Lapinski; Feldzug der ungarischen Hauptarmee im Jahre 1849, Hamburg, 1850, S. 216*). Венский кабинет был всецело в руках русских... по их совету были убиты главари... всяческими способами снискивая себе симпатии, русские руководили с таким расчетом Австрией, чтобы сделать ее более ненавистой, чем она когда-либо была» (там же, стр. 188, 189)¹⁹.

Глава X памфлета Маркса посвящена разоблачению деятельности бывшего президента венгерского революционного правительства Лайоша Кошута и генерал-лиссимуса венгерской армии Артура Гергея.

Начало этой главы необходимо привести полностью, так как оно характеризует не только точку зрения Маркса на виновников неудачи венгерской революции, но и дает представление о политических взглядах Лапинского в молодости. Маркс пишет:

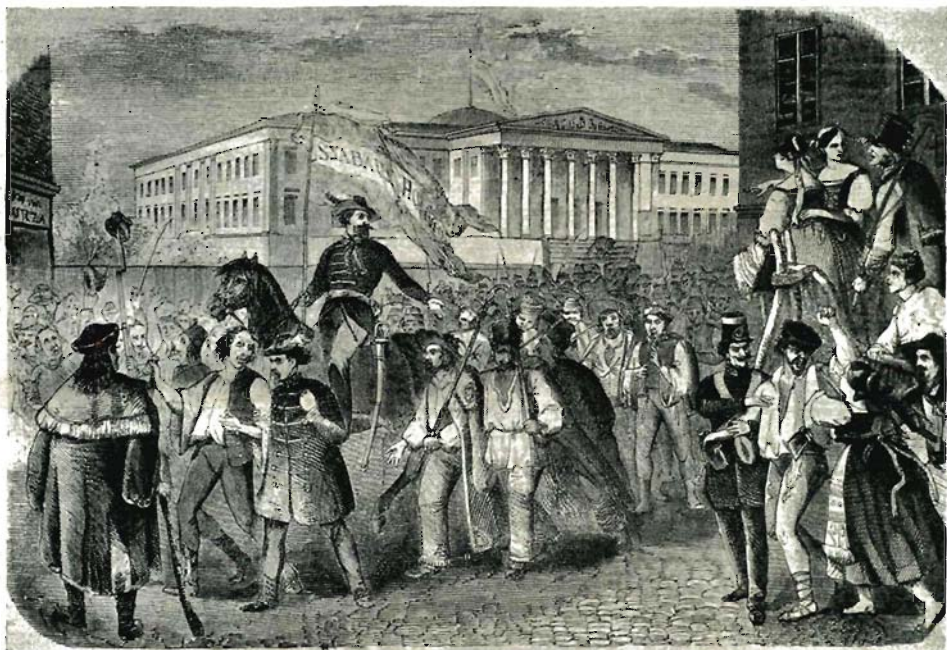
«В качестве свидетелей своего «good behaviour» [«хорошего поведения»] имперский²⁰ Фогт выставляет «Кошута» и «двух других мужей — Фази, воссоздателя Женева и Клапку, защитника Коморна», которых он «с гордостью называет своими друзьями» («Главная книга», стр. 213). Я называю их его патронами.

После битвы при Коморне (2 июля 1849 г.) Гергей узурпировал верховное командование над венгерской армией, вопреки приказу венгерского правительства, сместившего его. «Если бы во главе правительства стоял энергичный человек, — пишет полковник Лапинский, продолжавший еще быть в этой своей работе приверженцем Кошута, — то уже тогда был бы положен конец всем интригам Гергея. Кошуту стоило только явиться в лагерь и сказать несколько слов армии, и вся популярность Гергея не спасла бы его от падения... Но Кошут не явился. У него нехватили силы выступить открыто против Гергея и, тайком интригуя против генерала, он публично пытался оправдать его поступок (стр. 125, 186. *Th. Lapinski, Feldzug der ungarischen Hauptarmee u. s. w.* — Т. Лапинский, Поход венгерской главной армии и т. д.). О преднамеренном предательстве Гергея Кошуту, по его собственному признанию, некоторое время спустя формально донес генерал Гюйон (см. *David Urquhart, Visit to the Hungarian Exiles at Kutayah* [Давид Уркарт, Посещение венгерских эмигрантов в Кутае]. «Кошут, правда, сказал в одной прекрасной речи в Сегедине, что если бы он знал о каком-нибудь предателе, то убил бы его собственными руками, причем он, может быть, имел в виду Гергея. Но он не только не исполнил этой несколько театральной угрозы, но ни одному из своих министров ни разу даже не назвал человека, которого он подозревал; и в то время, как с некоторыми из них он строил жалкие планы против Гергея, он всегда с величайшим уважением говорил о нем и даже писал ему нежнейшие письма. Пусть поймет, кто хочет, но я не понимаю, как можно видеть спасение отечества в падении только одного опасного человека, пытаться дрожащей рукой его убрать и в то же время поддерживать его другой рукой, создавая ему своим доверием приверженцев и почитателей и передавая ему таким путем в руки всю власть. В то время, как Кошут был таким жалким в своих действиях,

то в пользу Гергея, то против него, Гергей, более последовательный и твердый, чем он, выполнил свой черный план» (там же, стр. 163—164)»²¹.

Несколькими страницами дальше Маркс пишет:

«Было бы совершенно несправедливо на один уровень с Кошутом ставить второго патрона Фогта, генерала Клапку. Клапка был одним из лучших венгерских революционных генералов... Клапка не обладает особенным талантом в выборе своих друзей. Одним из его близких друзей в Коморне был полковник Ассерман. Послушаем об этом полковнике Ассермане полковника Лапинского, служившего под начальством Клапки до сдачи Коморна и отличившегося потом в Черкессии своей борьбой против русских:

РЕВОЛЮЦИЯ 1848 г. в ВЕНГРИИ

Национальная гвардия покидает Будапешт

Гравюра из журнала «Illustration», 1849 г.

«Вилагошская измена, — говорит Лапинский, — вызвала сильнейший испуг среди находившихся в Коморне и ничего не делавших многочисленных штабных офицеров... Эти надушенные господа с вышитыми золотом воротниками, из которых многие не умели держать ружья в руках и неспособны были командовать и тремя солдатами, бегали в панике друг к другу, придумывая способы любой ценой спасти свою шкуру. Отделившись под всевозможными предлогами от главной армии, чтобы в уютной безопасности неприступной крепости сидеть без всякого дела и только ежемесячно расписываться в правильном получении жалования, они пришли в ужас от мысли, что придется защищаться не на жизнь, а на смерть... Эти негодяи лгали генералу, рисуя ему страшные картины внутренних беспорядков, бунтов и пр., чтобы склонить его, как можно скорее сдать крепость при условии сохранить их жизнь и собственность. Последнее условие многие особенно близко принимали к сердцу, так как все их помыслы во время революции были направлены только на то, чтобы разбогатеть: кое-кому это и удалось. Отдельным лицам такое обогащение удавалось очень легко, так как многие отчитывались в полученных суммах не раньше, чем через полгода. Это создавало благоприятные условия для плутней и обмана и иные, вероятно, запустили руки в кассу гораздо глубже, нежели спо-

собны были возместить... Перемирие было заключено; как же теперь его использовали? Из находившихся в крепости припасов, которых достаточно было на целый год, большое количество без всякой необходимости было вывезено в окружающие деревни, откуда, однако, не было ввезено никакого провианта; было даже оставлено в ближайших деревнях сено и овес у крестьян, которые умоляли эти корма у них купить; несколько недель спустя казацкие лошади поедали крестьянское достояние, в то время как мы в крепости жаловались на недостаток фуража. Значительная часть находившегося в крепости убойного скота была продана за город под тем предлогом, что для него нет достаточно корма. Полковник Ассерман, вероятно, не знал, что из мяса можно сделать солонину. Значительная часть зерна была также продана под тем предлогом, что оно становится затхлым; это делали открыто, еще больше — тайно. В таком окружении, которое состояло из Ассермана и подобных ему субъектов, Клапка, естественно, должен был отказываться от всякой хорошей мысли, приходившей ему в голову; они умели настоять на этом» (Lapinski, там же, стр. 49).

Мемуары Гергея и Клапки одинаково убедительно свидетельствуют об отсутствии у Клапки твердого характера и политической принципиальности. Все совершенные им во время защиты Коморна ошибки вытекают из этого основного порока. «Если бы у Клапки, при его познаниях и патриотизме, была еще собственная твердая воля и если бы он действовал по собственному разумению, а не по внушению окружающих его тупоумных и трусливых людей, то защита Коморна блистала бы в истории как метеор» (там же, стр. 209).

3 августа Клапка одержал блестящую победу над осаждавшим Коморн австрийским корпусом, совершенно разгромил его и надолго сделал небоеспособным. Вслед за тем он взял Рааб и мог взять без труда даже Вену, но бесцельно и в бездействии пробыл восемь дней в Раабе и вернулся затем в Коморн, где его ждало письмо от Гергея и известие, что он сложил оружие. Неприятель просил о перемирии, чтобы сконцентрировать у Коморна разгромленный австрийский корпус и продвигавшихся с Рима-Изомбата²² русских, а затем преспокойно окружить крепость. Вместо того, чтобы напасть на собравшиеся только вражеские силы и разбить их порознь, Клапка стал опять беспомощно колебаться, но все же отказывал австрийским и русским парламентарам в перемирии. Тогда, — рассказывает Лапинский, — «22 августа в Коморн прибыл адъютант императора Николая... Вы ведь не откажете нам, генерал, в двухнедельном перемирии, сказал русский Мефистофель медоточивым голосом; всемиловитевнейший мой поведитель, его величество, просит вас об этом! Это подействовало как сильный яд: Что, несмотря на все усилия не удалось австрийским и русским парламентарам, того добился продувной адъютант немногими словами. Клапка не мог устоять перед его комплиментами и подписал двухнедельное перемирие. С этого дня и начинается падение Коморна». Самое перемирие, как уже было упомянуто, Клапка использовал через полковника Ассермана, чтобы в две недели убрать из крепости собранный в ней годовой провиант. По истечении перемирия Граббе стал окружать Коморн со стороны Ваага, в то время, как австрийцы, постепенно увеличившие свою армию до 40.000 человек, расположились на правом берегу Дуная. Гарнизон Коморна был деморализован праздной жизнью за окопами и стенами города. Клапка не предпринял ни одной вылазки против русского корпуса, еще не участвовавшего ни в одном сражении и насчитывавшего только 19.000 человек. Неприятелю ни на минуту не мешали в его подготовительных работах к осаде города. Со дня подписания перемирия Клапка фактически готовил все не для обороны, а для капитуляции. Вся развиваемая им энергия была полицейского характера и направлена была против храбрых офицеров, которые противились капитуляции. «Последнее время, — говорит Лапинский, — стало опасным говорить что-либо об австрийцах, ввиду возможного ареста».

Наконец, 27 сентября произошла капитуляция. «Если принять во внимание наличные силы, отчаянное положение страны, возлагавшей свои последние надежды

на Коморн, общее положение в Европе и бессилие Австрии, которая принесла бы величайшие жертвы ради Коморна, то условия капитуляции были исключительно жалкие. Они «помогли лишь скорее ударить из Коморна за границу», но не выговаривали никаких гарантий ни для Венгрии, ни даже для находившихся в руках австрийцев революционных генералов. К тому же они были в чрезвычайной спешности составлены так неясно и двусмысленно, что впоследствии облегчили Гайнау их нарушение»²³.

Целый ряд исторических документов²⁴ подтверждает справедливость общей оценки событий в Коморне и характеристик Гергея, Клапки и его приближенных, данных Марксом на основе записок Лапинского.

Полемическая резкость отзывов Лапинского объясняется тем, что в Коморне он принадлежал к самой крайней группе, так называемых «красных республиканцев» или «ультра-мадьяр», отличительным знаком которых было красное перо на шляпе. Лидером этой группы был военный инженер полковник Жигмонд Тали, начальник крепостной артиллерии.

«Красные республиканцы» открыто называли изменником генерала Гергея, сдавшегося русским, и на многочисленных офицерских собраниях требовали защиты крепости Коморн до последнего выстрела. В этом решении «красных республиканцев» поддерживала надежда на помощь со стороны еще боеспособных армий генералов Бема и Гюйона и на возможность английской интервенции.

Сохранилась стенографически точная запись одного из самых бурных заседаний совета артиллерийских офицеров в здании гостиницы «Оронь шосс» («Золотой орел») 19 сентября 1849 г. На этом заседании капитан пехотной артиллерии Лапинский проявил себя как темпераментный оратор.

Приведу характерный отрывок из его речи: «...Мадьярская революция не имеет подобия в мировой истории. Среди других народов сто, двести, самое большое тысяча человек могли бы поднять знамя восстания и выступить против племени тиранов, но нация, которая вдохновила тысячи героев выступить на поле кровавых боев с деспотизмом и повела их от победы к победе, сумеет скорее добиться своей цели. Весть о погибших в бою гонимых на крыльях славы летит по всему миру. И теперь, когда сорная трава интриг и предательства вырвана там снаружи — в нашей армии, мы здесь трусливо и позорно предаем сами себя. Это преступление, которое ничем нельзя искупить, которое никогда не простит нам народ. Наша крепость держится потому, что еще не сломлена наша родина!»²⁵.

Генерал Клапка был чрезвычайно обеспокоен настроениями и замыслами «красных республиканцев» и, как справедливо замечает Маркс, проявил большую энергию в их преследовании.

Воспользуемся материалом, имеющимся в книге вождя ультра-мадьяр полковника Жигмонда Тали «Крепость Комаром (Коморн) во время войны за независимость Венгрии»²⁶. Нужно отметить, что когда Энгельс занимался историей венгерской революции, Маркс в письме советовал ему прочесть эту книгу (см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XXI, М. — Л., 1929 г., стр. 389).

Тали пишет:

«Клапка посадил под арест Стефана Фрибейса, редактора коморнской (правительственной) газеты, за то, что тот написал передовую статью об обороне крепости...

...Патриотический энтузиазм расценивался как фанатизм и высокое сознание своего долга — как неподчинение...

...Чтобы пресечь все оппозиционные настроения, была создана военная полиция под начальством полковника Банди. Задачей ее было рассевать все группы больше чем в пять человек на улицах, препятствовать всяким совещаниям, затрагивающим положение крепости, и, особенно, следить за тем, чтобы подобные разговоры не происходили в гостиницах и кофейнях».

Таким образом, создалась парадоксальная ситуация, когда генерал революционной армии начал преследовать офицеров, настроенных наиболее революционно.

Планы «красных республиканцев» действительно были очень рискованными.

Сам Лапинский рассказывает следующее: «25 сентября в 9 часов вечера собралась группа офицеров на квартире одного товарища. Совещание было очень серьезное, предметом обсуждения было положение крепости... Убедить генерала защищать крепость было невозможно, не только потому, что его окружало множество эгоистов, но и потому, что переговоры с неприятелем зашли настолько далеко, что Кляпка, будучи последовательным человеком, уже не мог повернуть вспять. Бурно высказанное мнение большинства офицеров сводилось к тому, чтобы внезапно арестовать генерала со всем его штабом, ввести в крепости военное положение и избрать новое командование, — это должно было произойти мгновенно, чтобы на следующее же утро можно было сделать вылазку гарнизона под другим командованием и опрокинуть неподготовленного неприятеля, не давая времени своей собственной армии обдумать то, что произошло ночью. План был хорош, но он мог вызвать очень плохие последствия, потому что если бы хоть одному из арестованных удалось бежать и оповестить какой-нибудь батальон, то в Коморне началось бы сражение, которое карауливший нас неприятель заметил бы и сумел бы использовать. Конечно, это никого не страшило, но когда был брошен вопрос о том, кто должен взять верховное командование в крепости, то все смолкло...»²⁷.

Зная дальнейшую карьеру Лапинского, легко можно представить, что он сам рисковал бы пойти на такую авантюру, но этому воспрепятствовала крепостная полиция.

Лапинский рассказывает дальше:

«29-го сентября в 4 часа утра многие офицеры были внезапно арестованы по приказу генерала и предстали перед военным судом по обвинению в мятеже. Некоторые из арестованных присутствовали на собрании офицеров, происходившем 25-го, и какой-то негодяй, который хотел на этом что-то заработать и боялся за свою шкуру, донес об этом собрании генералу, присовокупив различные неверные и невероятные показания»²⁸.

Об этом же аресте с теми же подробностями вспоминает в своей книге Жигмонд Тали, а венгерский офицер Даниэль Гамари в своем дневнике «Коморн»²⁹ пишет, что в числе арестованных были главари движения: «полковник Тали и капитан Лапинский с товарищами».

«Военный суд, — пишет Лапинский, — на котором не выступил ни один обвинитель и, следовательно, обвинение не было поддержано никакими доказательствами и подробностями, был вынужден отпустить на свободу офицеров, и только некоторые, быть может, наименее виновные, но болтавшие больше других, остались под арестом до вступления австрийцев»³⁰.

На этом заканчивается эпопея Коморна.

После сдачи Коморна (6 октября 1849 г.) Лапинский выехал через Болгарию и Сербию в Турцию в составе польского отряда, вступившего под командование генерала графа Владислава Замойского³¹.

Некоторые эмигранты, опасаясь, что их выдадут австрийскому правительству, приняли ислам и поступили на службу к султану Абдул-Меджиду (генерал Гюйон под именем Хуршид-паши, генерал Кмети под именем Измаил-паши, генерал Бем под именем Мурад-паши, генерал Штейн под именем Фергад-паши и т. д.)³². Остальные эмигрировали в разные страны Европы, преимущественно в Англию, Францию и Германию.

Лапинский, в числе многих других эмигрантов, поселился в Гамбурге. Изгнанники венгерской революции были чрезвычайно приветливо встречены гамбургским обществом. В их честь устраивались банкеты и собирались большие денежные пожертвования³³.

Как уже было упомянуто, в Гамбурге Лапинский выпустил свою первую книгу у известных издателей Гоффмана и Кампе, издававших сочинения революционных писателей (в том числе и Герцена).

В Гамбурге Лапинский снова встретился с полковником Иоганном Бандей, тем самым, который был начальником полиции у Кляпки и арестовывал мятежных офицеров в Коморне.

Полковник Бандя сыграл своеобразную роль в дальнейших взаимоотношениях Лапинского с Марксом и поэтому он заслуживает здесь краткой характеристики.

Иоганн Бандя, собственно Янош Бандя (Bandyá János), принадлежал по рождению к старой дворянской венгерской фамилии. Он родился 2 декабря 1817 г. в поместье Апьён (в Прессбургском комитате).

По свидетельству одного из современников «Бандя владел небольшим поместьем вблизи Прессбурга, но благодаря слишком щедрому гостеприимству значительно уменьшил свое состояние»³⁴.

ЛАЙОШ КОШУТ

Фронтиспис книги: Kossuth L. «Meine Schriften aus der Emigration», 1880 г.

Как и Лапинский, Бандя получил военное образование и прослужил 7 лет в армии (с 1834 г. по 1841 г.)³⁵. С 1841 г. он перешел на гражданскую службу в канцелярию окружного суда в Зибенбюргене, где и служил до 1845 г.

В 1845—1846 гг. Бандя совершил путешествие по Германии, Франции, Испании и Алжиру и, возвратившись в конце 1846 г. в Венгрию, женился на Антонии Виталь. В 1847—1848 гг. Бандя присутствовал на заседаниях венгерского парламента в Прессбурге и издал комментированный немецкий перевод законоположения о парламенте³⁶.

В 1848 г. Бандя вместе со своими друзьями предпринял издание в Прессбурге газеты на немецком языке и был ее редактором до августа 1848 г., после чего стал соредктором журнала «Мадьяр» в Пеште.

С начала венгерской революции Бандя вступил в революционную армию, получил в 1849 г. чин майора и, впоследствии, как мы уже знаем, был назначен

Кляпкой на пост начальника «революционной полиции», в цитадели и городе Коморне³⁷.

Поселившись после капитуляции Коморна в Гамбурге, Бандя возобновил свою журнальную деятельность. По его собственным словам, «содержанием его статей была революция и война в Венгрии».

В 1850 г. Бандя переселился в Париж, где и прожил до конца 1853 г., часто наезжая в Лондон. Оставив свою первую жену в Венгрии, Бандя в Париже вступил в гражданский брак с молодой француженкой.

В 1851 г. Бандя организовал в Париже издание литографированного журнала.

К 1850 г. относится история знакомства Банди с Марксом. В своем памфлете «Господин Фогт» Маркс рассказывает, что в эмиграции Бандя был связан со «всевозможными партиями — орлеанистами, бонапартистами и т. д.», а также с полицейскими агентами всякой национальности. Чтобы объяснить Марксу столь широкий диапазон своих связей, Бандя показал ему «подписанный собственноручно Кошутом приказ, в силу которого он, бывший уже временным шефом полиции в Коморне при генерале Кляпке, назначался шефом полиции *in partibus* (за границей). Тайный шеф полиции на службе у революции, он, конечно, должен был оставить для себя «открытым» доступ к полиции на службе у правительства»³⁸.

В своих беседах с Марксом Бандя выставлял себя отнюдь не последователем Кошута, а сторонником левой группы венгерской эмиграции (Семерс и др.), к которой сочувственно относился Маркс.

Благодаря своим связям Бандя имел возможность сообщать Марксу интересные политические новости и пользовался его доверием. Поэтому, когда в апреле 1852 г. Бандя предложил Марксу³⁹ написать памфлет против лидеров немецкой «демократической» эмиграции и обещал издать его анонимно в Берлине, Маркс, списавшись с Энгельсом, ответил согласием.

Памфлет «Великие люди эмиграции» был написан, и Маркс передал Банде рукопись. Однако, ее издание оттягивалось под различными предлогами. Только через семь месяцев Марксу удалось узнать, что издатели Эйзермана или Кольмана, на которых указывал Бандя, вообще нет в Берлине. Еще позднее (в феврале 1853 г.) Маркс получил сведения, что Бандя продал рукопись агентам прусской полиции, уверив их, что это документ, полученный им из архива «тайного общества» коммунистов⁴⁰.

Так как оправдательные письма Банди были явно неубедительны, Маркс разоблачил Бандю, как полицейского шпиона, письмом в «Нью-Йоркскую уголовную газету» («New York Criminalzeitung»).

Несмотря на то, что даже после разоблачения Банди Кошут и его сторонники не отказались от его сотрудничества, Бандя все же был вынужден прекратить свою деятельность в Европе.

22 декабря 1853 г. Бандя приехал в Константинополь с рекомендательными письмами от партии Кошута, принял ислам и под именем Мехмед-бея вступил в турецкую армию в чине полковника генерального штаба (в феврале 1854 г.).

Во время Крымской кампании Мехмед-бей — Бандя сначала был в азиатской армии, а затем принимал участие в экспедиции турецкой армии, оккупировавшей Сухум-Кале и Анапу и завязал там сношения с черкесскими вождями.

Маркс продолжал следить за каждым действием Банди в Турции, как видно из писем Маркса к Энгельсу (Соч. т. XXII, стр. 19, 21, 52). 19 апреля 1854 г. Маркс писал: «Бандя в Эрзеруме, полковником; разумеется, называется Мехмед-беем, дал себя обрезать и принял магометанство. Возможно, что он прикомандирован в качестве шпиона к генералу Гюйону.» Энгельс ответил в письме около 21 апреля: «Бандя в Эрзеруме и будет посылать русским прекрасные донесения». В письме от 8 августа того же года Маркс писал: «Читал ли ты в газетах, что двух турецких офицеров, посланных от азиатской армии к «великому» демократу Шамилю-бею, сопровождал полковник Бандя?».

Наконец, Маркс в письме к Энгельсу от 18 марта 1857 г. так охарактеризовал деятельность Банди на Кавказе:

«ПРОХОДА НЕТ!»

Карикатура из журнала «Punch», 1849 г.
на недопущение Кошуты во Францию

«Этот самый Бандя с 1855 г. является подручным Сефер-паши. Он женился на дочери черкесского вождя (что должно одинаково обрадовать и его законную жену в Будапеште и его незаконную в Париже) и теперь сам стал черкесским вождем... Парень, видя что его роль на Западе уже сыграна, начал новую — на Востоке. Снова ли в качестве демократического шпиона или же bona fide [по убеждению] — вопрос другой»⁴¹.

Хотя документальные сведения о браке Банди не сохранились, по ряду косвенных данных представляется вполне вероятным, что Бандя женился на родственнице Сефер-паши, бывшего владетельным князем черкесского племени шапсугов. В венгерской энциклопедии Синьэя о жене Банди сообщается только, что она была очень красива и что ей было всего 15 лет от роду.

Черкессия того времени по своей социально-политической структуре представляла собой переходный тип от родового к феодальному обществу. Крупнейшие племена шапсугов и натухайцев распались на четыре сословия: пши — князей, уорков — дворян, тхвохотлей — «свободных людей» (земледельцев) и пшитлей — рабов. В Черкессии были еще очень сильны пережитки родового быта, но страна уже была втянута в мировой оборот благодаря торговле с Турцией. Социальная борьба внутри племен определялась столкновением интересов двух партий: феодально-дворянской и земледельческой.

Сефер-паша, принадлежавший к древнему роду князей Заноко, был выразителем интересов дворянской партии. Ему противостоял Мохаммед-Эмин, выходец из Дагестана, наиб, назначенный Шамилем. Он был вождем племени абадзехов и по образцу своего учителя установил в их стране мусульманскую диктатуру. Мохаммед-Эмин был талантливым политиком и блестящим оратором. Один из современников назвал его «кавказским Демосфеном». В отличие от него Сефер-паша во всех исторических материалах⁴² характеризуется как человек ограниченный, безвольный и сластолюбивый. Он долго жил в Турции, приобрел все привычки османского паши и злоупотреблял спиртными напитками. В год знакомства с полковником Бандей ему было около 60 лет.

Естественно, что Бандя, став ближайшим советником Сефер-паши, фактически направлял всю внешнюю политику черкесского князя.

Здесь линия действий Банди снова пересекается с линией Лапинского. Лапинский приехал на Восток на месяц раньше чем Бандя (в январе 1854 г.) вместе с графом Владиславом Замоийским.

Племянник князя Адама Чарторыйского и лидер польской аристократической партии — граф Замоийский во время Восточной войны был генералом английской службы и получил от лорда Пальмерстона разрешение на формирование польских легионов, которые должны были выступить вместе с союзниками против России. В то время в Турции уже были отряды поляков, украинцев и русских, носившие название «казаков султана Абдул-Меджида» и находившиеся под начальством Мехмед-Садык-паши (принявшего ислам польского эмигранта Михаила Чайковского-го). Граф Замоийский при содействии английского посольства добивался отделения части этих отрядов от дивизии Чайковского для создания англо-польского легиона.

Во время Крымской войны в Стамбуле происходила борьба между тремя главными партиями польской эмиграции. В меньшинстве находилась республиканско-демократическая партия, к которой принадлежал поэт Адам Мицкевич. Ей противостояла партия монархически настроенного дворянства, видевшего в князе Адаме Чарторыйском будущего короля восстановленной Польши. Особое место занимала партия Садык-паши (Михаила Чайковского), политическая программа которой была основана на романтической идеализации вольной казацкой старины.

Чайковский мечтал об объединении славянских племен на началах казацкой вольницы⁴³.

В борьбе между этими партиями Лапинский принял участие, как агент партии Чарторыйского.

Переход Лапинского из лагеря республиканцев — «ультра-мадьяр» к представителям аристократической партии может на первый взгляд показаться странным, но надо принять во внимание, что уже в это время Лапинский успел превратиться в типичного военного профессионала, которых было так много среди польских и венгерских эмигрантов, служивших в турецкой армии.

У этой группы людей не было четкой политической программы. Их объединяли только негативные моменты и, в первую очередь, патриотическая ненависть к царской России.

Характерно, что в своей книге «Морская экспедиция повстанцев на Литву» сам Лапинский называет себя «революционным авантюристом».

Условия службы в турецкой армии способствовали тому, что у эмигрантов постепенно выработывалась психология наемных солдат, склонных к различным авантюристическим предприятиям.

Еще в 30-х годах XIX в. великий визирь Хозрев-паша, желавший перестроить османскую армию по европейскому образцу, открыл в нее широкий доступ иностранным офицерам. Этой же политики придерживался и сменивший его великий визирь Решид-паша. Даже главнокомандующий турецкой армией во время Восточной войны — Омер-паша принадлежал к этим иностранным выходцам (хорват по национальности, он в молодости бежал из австрийской армии и принял мусульманство).

Эта политика покровительства иностранцам спасла много эмигрантов, не имевших на чужбине никаких средств к существованию, кроме «военного ремесла», но условия службы в османской армии, несомненно, оказывали на них деморализующее влияние.

Бывшие демократы и республиканцы нередко действительно становились ренегатами и утрачивали свои прежние убеждения. Карьеризм и интриги сделались обычными явлениями в этой среде.

Именно к этой части эмигрантов относятся резко, но справедливые слова Маркса (в письме к Энгельсу от 26 августа 1854 г.):

«Насколько можно видеть из газет, венгерские и польские эмигранты только и делают в турецко-азиатской армии, что занимаются устройством скандалов, по-

гоней за должностями и мелкими интригами. *Toujours les mêmes.* [Всегда верны себе]»⁴⁴.

Моральный облик самого Лапинского достаточно ясно охарактеризован его начальником и покровителем графом Владиславом Замойским в письме к князю Адаму Чарторыйскому от 5 февраля 1854 года: «К сожалению Лапинский при его исключительных способностях дает различные доказательства нечистоплотного и легкомысленного отношения к деньгам» (оригинал письма в Архиве кн. Чарторыйских в Кракове; перевод дан по цитате из книги L. Widerszal, *Sprawy kaukaskie w polityce europejskiej*, Warszawa, 1934, str. 178).

СЕФЕР-ПАША

Портрет из «Кубанского Сборника», т. X.

Весной 1854 г. по приказу своего непосредственного начальника генерала Владислава Замойского Лапинский отправился в Бухарест в штаб-квартиру генерал-лиссимуса турецкой армии Омер-паши. Вскоре Лапинский был назначен начальником генерального штаба 2-го армейского корпуса, стоявшего на Дунае и Серете под командой генерала Ахмед-Бюльбюль-паши⁴⁵.

В течение 1854—1855 гг. Лапинский принимал участие в военных действиях турецкой армии против русских на Дунае и позже сражался под Евпаторией и Севастополем в бригаде Искендер-паши (польского эмигранта Илинского).

Тогда же Лапинский получил турецкое имя Тевфик-бей, хотя и не перешел в мусульманство. В турецкой армии было принято давать европейским офицерам магометанские имена, так как произношение и правописание европейских имен было для турок затруднительно.

В конце 1855 г. Лапинский возвратился к генералу Замойскому и вступил в

его легион в чине «бин-баши» (майора). Однако, организация польских легионов в Стамбуле настолько загнулась из-за раздоров между различными партиями польской эмиграции, что полякам так и не удалось выступить на фронте.

1 февраля 1856 г. было заключено перемирие, а 30 марта был подписан Парижский мирный договор.

Еще в начале 50-х годов у Лапинского было намерение пробраться на Кавказ — к Шамилю или к черкесам. В этой идее не было ничего неожиданного. Польские эмигранты давно пытались наладить связь с горацами, среди которых всегда было много польских и украинских перебежчиков. В начале 40-х годов партия Чарторыйского направила к черкесам своих эмиссаров: Гордона и Зверковского (Ле Нуара), но оба кончили неудачно: Гордон был убит горацами, купленным русским военным командованием, а Зверковский был тяжело ранен⁴⁶.

В 1855 г. в Сухуме и Анапе одновременно с полковником Бандей находился агент Чарторыйского поляк Иордан-бей.

Во время восточной войны Лапинский пытался войти в переговоры с приехавшим в Стамбул Мохаммед-Эмином, а после заключения мира встретился с Мехмед-беем — Бандей, вернувшимся с Кавказа.

В конце 1856 г. Лапинский совместно с Бандей и турецким генералом Фергад-пашей (австрийским ренегатом бароном Штейном) выработали план военной экспедиции в Черкессию⁴⁷. Этот план встретил поддержку со стороны польской аристократической партии, так как диверсия на Кавказе составляла часть ее общего военного плана⁴⁸.

Денежные средства и военные припасы, необходимые для экспедиции, шли из двух источников: от генерала Замойского, т. е. из фонда бывших англо-польских легионов, и от черкесских патриотов, проживавших в Турции, Сирии и Египте, через посредство некоего Исмаил-паши, директора оттоманской почты, черкеса по национальности⁴⁹. Он поддерживал непосредственные связи со своей родиной, так как помимо государственной службы занимался торговлей невольниками. Существенную помощь оказал экспедиции английский посол в Стамбуле, яростный руссофоб лорд Стрэтфорд де Рэдклифф. Он был вдохновителем различных диверсий против России и еще раньше посылал на Кавказ своих агентов: Уркарта, Бэлла и Лонгуорта.

В политических кругах Высокой Порты лорд Стрэтфорд де Рэдклифф пользовался неограниченным влиянием. По свидетельству Вамбери султан Абдул-Меджид называл лорда Рэдклиффа «своим отцом и лучшим другом». По отзыву генерала Бема могущество лорда было так велико, что по его приказу в Константинополе «шел дождь или светило солнце» (письмо Бема от 8 мая 1850 г., цитируется в книге: Lewak A. Dzieje emigracji polskiej w Turcji, Warszawa, 1935, str. 88).

Несомненно также, что экспедиция не состоялась бы, если бы ей не попустительствовали высшие турецкие сановники во главе с великим визирем Решид-пашей и военным министром Мехмед-Али-пашей⁵⁰. Для закупки оружия и амуниции Бандя отправил в Европу своего друга полковника Стефана Тюрра.

17 февраля 1857 г. из Стамбула отправился английский пароход «Кэнгуру» под командой капитана Нэггса. На борту корабля находился отряд поляков и мадьяр — всего 75 солдат и 10 офицеров. Начальником отряда был полковник Мехмед-бей (Бандя), артиллерийский дивизион находился под командованием полковника Тевфик-бея (Лапинского).

В составе отряда было кроме поляков и мадьяр несколько турок, русских и украинцев, три молодых черкеса, один еврей и один американец.

Вслед за пароходом был отправлен турецкий парусник «Аслан» с транспортом пороха, снарядов и артиллерийских орудий.

Самое интересное в этой экспедиции — ее двойственный характер. Поляки приняли в ней участие с субъективным намерением помочь черкесам и создать свою военную базу на Кавказе, тогда как венгерские эмигранты (Бандя и Фергад-паша) преследовали совершенно особые цели.

Фергад-паша, находившийся в тайных сношениях с военным атташе русского посольства капитаном Франкини, сообщил ему о предполагавшейся экспедиции и

назвал имена лиц, замешанных в ее организации. В результате возникла резкая дипломатическая переписка между русским правительством и Высокой Портой. Ряд лиц, в том числе сам Фергад-паша, и директор почты Измаил-паша были арестованы по приказу султана. Материалы следствия, на котором выступал в качестве свидетеля граф Замойский и другие польские эмигранты, выросли до размеров огромного фолианта⁵¹.

Еще до отплытия польско-венгерского отряда из Константинополя русский посланник в Турции Бутенев сообщил о готовящейся экспедиции наместнику Кавказа кн. Барятинскому, но русские крейсера не сумели задержать пароход «Кэнгуру» в пути и 23 февраля 1857 г. отряд благополучно высадился в Туапсе⁵². Здесь Сефер-

ОМЕР-ПАША

Портрет на титуле книги: Oliphant L. «The Trans-Caucasian Campaign of the Turkish Army», 1856 г.

паша устроил торжественную встречу Мехмед-бею (Банде), вручил ему знамя пророка (флаг зеленого цвета с изображением белого меча, полумесяца и звезды) и объявил его начальником вооруженных сил Черкессии⁵³.

7 мая начались первые стычки русских войск с черкесами на реке Адагуме (приток Кубани). Впервые со стороны черкесов начала действовать европейская артиллерия под начальством Лапинского.

В письме, отправленном из Черкессии Измаилу-паше весной 1858 г., Лапинский писал: «Сначала русские были ошеломлены гулом орудий; теперь же они смеются над ними; там, где я ставлю две пушки, они выдвигают двадцать, и если у меня не будет регулярного войска, чтобы оборонять мои орудия, русские захватят их, так как черкесы не умеют их защищать и мы сами будем взяты в плен»⁵⁴.

Русские выстроили на реке Адагум укрепление и в течение всего лета и осени 1857 г. совершали вылазки, не приносящие, впрочем, серьезного ущерба черкесам.

К отряду Бандя — Лапинского ежедневно присоединялись перебежчики из русской армии (главным образом, поляки, татары и украинцы). По сообщению Лапинского число их к концу года дошло до 800 человек.

Несмотря на эти внешние успехи, положение польского отряда в Черкессии было очень опасным. Русское командование мобилизовало лазутчиков и назначило премию в 3000 руб. за выдачу головы Лапинского.

Лапинский пытался провести в стране ряд нововведений: он потребовал освобождения русских перебежчиков, которых черкесы сделали рабами, и организации сборов зерна и мяса для содержания отряда.

Все это озлобило партию дворян и князей, приближенных к Сефер-паше. Одновременно Мехмед-бей — Бандя начал проводить свой план. Он вступил в тайную переписку с русским генералом Филипсоном, начальником правого крыла Кавказской армии.

В своих письмах Бандя, несомненно с ведома Сефер-паши, предлагал русским присоединить Черкессию мирным путем, признав ее подчиненной черкесскому князю под протекторатом русского царя. По его собственному выражению, Бандя хотел «сделать из Черкессии вторую Грузию». Точнее было бы сказать, вторую Абхазию, так как уже в то время абхазский князь Михаил Шервашидзе был верноподанным русского царя.

Так как Лапинский успел сблизиться с демократическими вождями черкесов и говорил только о продолжении партизанской войны с русскими, Бандя решил устранить его предательским путем. Под предлогом защиты турецко-черкесской морской торговли, страдавшей от набегов русских крейсеров, Бандя приказал Лапинскому выставить батарею в Геленджике и немедленно сообщил русским о том, что батарея Лапинского не имеет достаточного прикрытия.

Русские устроили морской набег и захватили батарею, но Лапинскому удалось спастись благодаря помощи прибрежных черкесов⁵⁵.

Лапинский все время следил за действиями Банди. Недоверие Лапинского к своему начальнику было пробуждено письмами польских эмигрантов из Константинополя и, несомненно, что главную роль во вторичном разоблачении Бандя сыграли статьи Маркса. Сам Маркс рассказывает в гл. X «Herr Vogt»: «Я оповестил о прошлой карьере этого освободителя [разрядка моя. — В. Т.] в лондонской «Free Press», которая в большом количестве номеров расходуется в Константинополе».

Вскоре Лапинский перехватил письмо Банди к генералу Филипсопу, изобличившее измену, и польские офицеры арестовали Бандю и двух его венгерских адъютантов (Ромера и Кёлера). В письме от 29 апреля 1858 г. Маркс сообщал Энгельсу: «Друг Бандя, as it seems [как кажется] был уличен сыном Сефера-паши в не дозволенной переписке с русским генералом Филипсоном. Это значит, что он вместе с несколькими своими венгерскими и польскими сообщниками has been shot [расстрелян]⁵⁶».

3 января 1858 г. в польском лагере в ауле Адерби началось заседание военного суда под председательством полковника Лапинского. Суд признал обвинение в измене доказанным и приговорил бывшего «главнокомандующего вооруженными силами Черкессии» к расстрелу.

Однако приговор не был приведен в исполнение, потому что Бандя был полковником турецкой армии и расстрел его мог бы повести к осложнениям в Турции.

В апреле 1858 г. Бандя был выслан вместе с женой и детьми на турецком паруснике в Константинополь. Здесь он возбудил письмом в газету «Presse d'Orient» от 26 апреля 1858 г. контр-обвинение против Лапинского в интригах и измене.

Для того чтобы парализовать эти обвинения, Лапинский отправил в Лондон

своего лейтенанта Штоха с обширными материалами заседания суда, заключавшими в себе письменное признание полковника Банди, копию перехваченного письма и свидетельские показания.

Эти материалы попали в распоряжение Маркса и были опубликованы в газете Уркарта «Free Press» 1858 г., VI, № 16 под общими заголовками «Новое предательство в Черкессии» и «Русский агент в Черкессии»⁵⁷.

Одновременно Маркс дал краткий очерк черкесской авантюры Банди в двух статьях в американской газете «New-York Daily Tribune»⁵⁸.

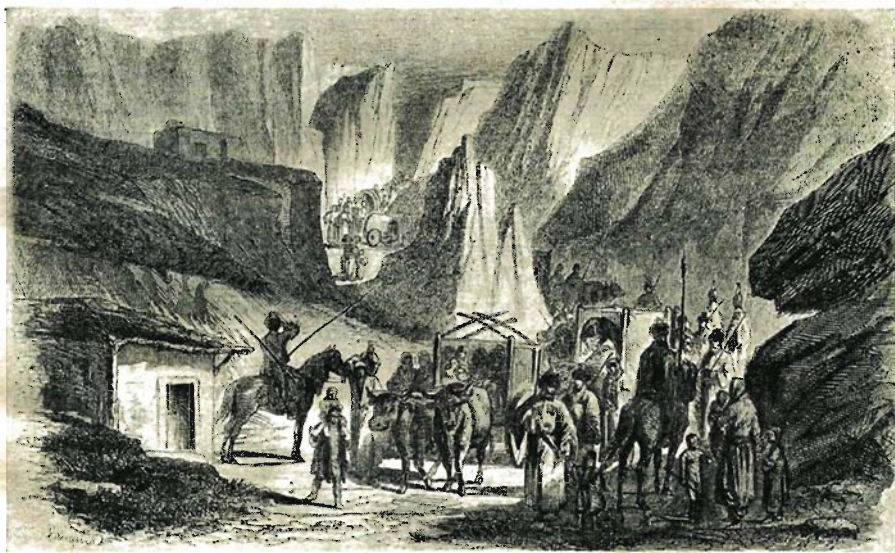
В первой статье Маркс подчеркивает, что роль Банди в черкесской экспедиции с самого ее начала была провокационной: «Для тех, кто знал предшествовавшую деятельность этого венгерского освободителя Черкессии, не было никаких сомнений, что он отправился в эту страну с одной только целью: продать ее России».

В своих письменных показаниях, данных на военном суде, Бандя объясняет свои сношения с Россией тем, что он действовал по инструкциям Кошута, который «направлял всю его политическую деятельность».

Однако, в письме, опубликованном в «Presse d'Orient», и в пометках, сделанных на копии показаний, Бандя категорически утверждает, что его признания подделаны. «Это роман, сфабрикованный частью в Константинополе г. И. [Иорданом. — В. Т.] и обработанный г. Лапинским, а частью в Черкессии... Этот документ имеет целью скомпрометировать одну высокую особу [Кошута. — В. Т.] и выманить деньги у одной великой державы» [Англии. — В. Т.]

Письмо Банди, написанное в тоне оскорбленной добродетели и изобилующее патетическими возгласами («в скором времени вся Черкессия отомстит за меня!»), вызвало резкую полемику между венгерскими и польскими эмигрантами в Стамбуле (см., например, протест польских офицеров, опубликованный в «Free Press», 1858, V, VI, № 16, и письмо венгерских эмигрантов в газете «Star», 28 июня 1858 г.).

Первоначально представители венгерской эмиграции взяли Бандю под защиту, но затем они были вынуждены публично признать его оправдания неубедительными. В настоящее время факт провокаторской деятельности Банди можно считать вполне установленным. Прделанная мною сверка английского перевода перехваченного письма Банди к генералу Филипсону (см. «Free Press», 1858, v. VI) с рус-

ГОРЦЫ ПОКИДАЮТ РАЗОРЕННЫЙ АУЛ
Гравюра из журнала «Illustration», 1835 г.

ским переводом того же письма, сохранившимся в кавказском военном архиве и опубликованным в «Кубанском Сборнике», т. X, неопровержимо доказывает его аутентичность.

На этом была закончена карьера авантюриста и шпиона Банди.

Однако, благодаря поддержке Кошута и многих турецких сановников, он сумел получить пост начальника турецкой полиции в Стамбуле. На этом достойном посту он служил в течение 10 лет до своей смерти.

Умер Мехмед-бей правоверным магометанином 16 февраля 1868 г. в возрасте 51 года, оставив после себя трех дочерей и сына — Мустафу.

Разоблачение и высылка Банди не прекратили раздоров в Черкессии.

В кратком изложении последовательности событий такого: недовольный Лапинским Сефер-паша отрешил его от должности командующего польским отрядом и на место Лапинского был назначен поручик Марецкий.

Тогда Лапинский вместе с прибывшим из Константинополя поручиком Конарцевским задумал бежать из Шапсугура (резиденции Сефера) к наибу Мохаммед-Эмину⁵⁹. Узнав об этом Сефер-паша арестовал Лапинского и посадил его под стражу, но 29 ноября 1858 г. Лапинский был освобожден офицерами Конарцевским, Штохом и Станкевичем при содействии враждебного Сеферу вождя независимых горных шапсугов Хантоху.

В январе 1859 г. Лапинский с частью верных ему солдат и офицеров перешел к Хантоху в горный аул на реке Анчир и вскоре завязал сношения с Мохаммед-Эмином⁶⁰.

3 июля 1859 г. Лапинский и Мохаммед-Эмин заключили договор, по которому наиб Шамиля брал на себя обязательство предоставить польским legionерам помещение и снабжать их необходимым продовольствием, лошадьми и фуражем, а Лапинский от имени князя Адама Чарторыйского обещал доставить оружие и амуницию для 250 солдат и «содействовать сношениям его сиятельства М. Эмин-Паши с правительствами и народами Европы».

Однако, несмотря на настойчивые письма Лапинского о недостатке оружия и патронов и на хлопоты в Стамбуле Замойского и его агентов — братьев Иордан — английское правительство категорически отказалось помогать черкесам в военных действиях против русских.

16 января 1860 г. умер главный враг наиба Мохаммед-Эмина — старый князь Сефер-паша, но еще раньше, после сдачи Шамиля русским в Дагестане (26 августа 1859 г.) абадзехи склонили наиба присягнуть на верность русскому царю (2 декабря 1859 г.).

Через три дня после этого события Лапинский с большей частью своего отряда покинул Черкессию и на турецкой шкуне возвратился в Константинополь.

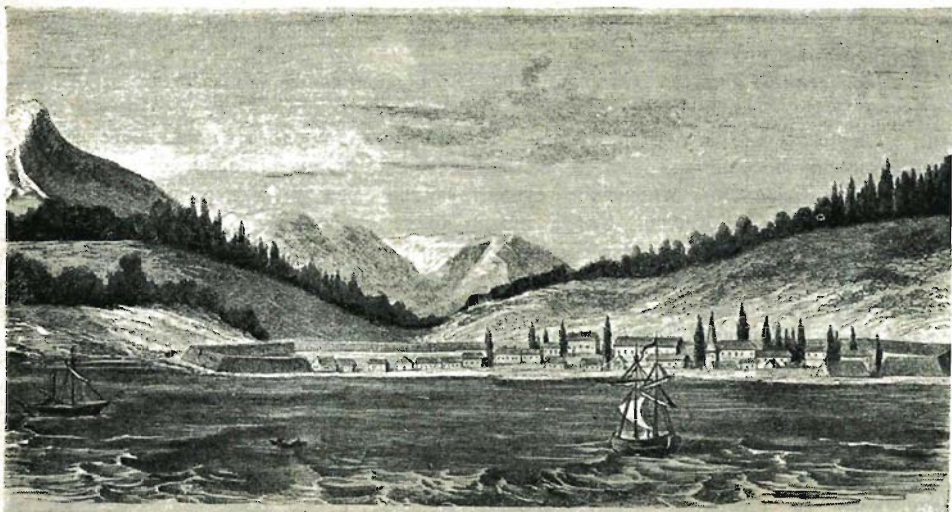
К этому времени относится один из самых темных моментов политической биографии Лапинского.

В мае 1860 г. он подал состоявшему при русской императорской миссии в Константинополе капитану В. А. Франкини обширную докладную записку, заключающую в себе детальный стратегический план покорения черкесов.

Приведу отрывок из этой записки в переводе, сделанном в канцелярии русского посольства: «Укрепление в Пшаде следовало бы занять примерно 3 (тысячи) человек, чтобы быть в силах устоять против всякого покушения горцев и иметь самому возможность предпринимать самостоятельные экспедиции для разорения находящихся еще в горах аулов. Укрепление в горах между источниками рек Хабль и Азипе нужно занять гарнизоном в 2 батальона»... и т. д.⁶¹

Эта «докладная записка» совершенно перестраивает представление о Лапинском, как о честном деятеле революционной эмиграции.

Несомненно, что Лапинский, столь сурово осудивший шпионскую деятельность Банди, сам выступает здесь в роли провокатора, работающего на пользу царской России и предающего дело освобождения черкесов. Таков путь человека, в юности бывшего революционером и через военные авантюры дошедшего до прямого предательства.

УКРЕПЛЕНИЕ ГЕЛЕНДЖИК

Гравюра из журнала «Illustration», 1855 г.

Трудно объяснить только тот факт, как мог Лапинский, при его ненависти к русским, предложить им план покорения черкесов.

В 1860 г. Лапинский вернулся из Турции в Европу и начал работать над своей книгой о Кавказе, а в 1862 г. приехал в Лондон, представлялся Пальмерстону и пытался убедить его в необходимости английской интервенции на Кавказ.

Тогда же Лапинский познакомился со знаменитым туркофилом, агентом английского правительства, Дэвидом Уркாரтом, который, по словам Маркса, сочувственно отнесся к идее «invasion on the Caucasus» (вторжения на Кавказ).

Нужно отметить, что Дэвид Уркарт был одним из первых европейцев, которые вошли в непосредственные сношения с черкесскими вождями. Еще в 1834 г., находясь на службе в английском посольстве в Константинополе, Уркарт, под именем Дауд-бея, приехал в Черкессию и провел несколько совещаний с вождями шапсугов и натухайцев. Три года спустя в Черкессию прибыли агенты лорда Стрэтфорда де Рэдклиффа Бэлл и Лонгуорт, и начиная с этого времени Уркарт все время поддерживал сношения с черкесами⁶².

Уркарт был убежденнейшим туркофилом и столь же непримиримым руссофобом. Вся его публицистическая деятельность в течение 30 лет была посвящена разоблачению политики лорда Пальмерстона, по его мнению подкупленного Россией. Несмотря на односторонность своих политических взглядов, Уркарт был прекрасным знатоком восточного вопроса и Маркс неоднократно советовался с ним и одно время даже сотрудничал в его газете «Free Press». Естественно, что Уркарт должен был обратить внимание на Лапинского. В своих мемуарах Лапинский утверждает даже, что сам Уркарт вызвал его в Лондон, чтобы поставить его во главе черкесской депутации, но это хвастливое преувеличение.

В том же 1862 г. Лапинский выпустил в шеффилдском издательстве Уркарта памфлет на английском языке, направленный против экспансии России на Кавказе, в Средней Азии и на Дальнем Востоке «Memoir on the progress of Russia since the peace of Paris» («Заметки об успехах России со времени Парижского мира»). Характерно, что заглавие этой брошюры совпадает с заглавиями ценного Марксом и Энгельсом памфлета Мэк-Нилля⁶³ и двух книг самого Уркарта⁶⁴.

Однако, из переговоров Лапинского с Уркாரтом не вышло ничего реального, как свидетельствует рассказ Лапинского Марксу, изложенный Марксом в письме к Энгельсу (от 15 сентября 1863 г.).

«Некоторое время он [Лапинский] здесь возился с Уркாரтом, но теперь он

не только считает его «шарлатаном», но даже — и совершенно напрасно — сомневается в самой его честности.

«Черкесские» князья, которых Уркарт и Лапинский показывали в Англии, были два раба. Лапинский утверждает, что Уркарта водит за нос Замойский, который в свою очередь является орудием Пальмерстона, следовательно, косвенно орудием русского посольства. Хотя-де он сам католик, но ему [Лапинскому] в высшей степени подозрительны отношения, существующие между Уркартом и католическими епископами в Англии. Когда нужно было «действовать», — например, снарядить польский корпус для вторжения на территорию черкесов, что и Лапинский считает лучшей диверсией, Уркарт под влиянием Замойского отказался содействовать этому предприятию. Он, вообще, только любит «болтать». Он «большой враль» и он [Лапинский] особенно ему не может простить, что он сделал его [Лапинского], без предварительного его согласия, соучастником своей лжи. На территории черкесов никто не знает Уркарта, который без знания языка провел там 24 часа. Как пример уркартовской фантазии он мне привел тот факт, что Уркарт хвастал перед ним, будто он [Уркарт] убил чартизм в Англии»⁶⁵.

В 1863 г. снова в издательстве Гоффмана и Кампе вышел первый том книги Лапинского на немецком языке: «Горцы Кавказа и их борьба с русскими за свободу».

Второй том этой книги был издан в том же году со следующим любопытным предисловием издателя: «Автор предлагаемого труда имел намерение включить между последней и предпоследней главой этого тома подробное описание событий на Кавказе в течение 1861 и 1862 гг., для чего ему предоставили богатый материал сообщения посланных черкесского народа, прибывших в Англию осенью прошлого года. Однако, у господина полковника Лапинского не было времени обработать свои заметки для печати, потому что, как нам сообщают из Англии, святой долг любви к отечеству внезапно вызвал его в Польшу. Доблестный автор этой книги, который в 1849 г. в Венгрии и позже в горных теснинах Кавказа противостоял вечному врагу своей отчизны, сегодня снова поднял меч за дело свободы и независимости и, как прежде на чужбине, так ныне на родине, соединился со своими братьями, чтобы побороть варваров Востока.

Пусть же его ценный труд поможет разъяснить населению Средней и Западной Европы ту опасность, которой каждая новая победа России, каждое усиление ее могущества угрожают святым началам свободы и человечности».

IV

Весной 1863 г. полковник Лапинский принял участие в польском восстании. История второй и последней экспедиции Лапинского во главе польских повстанцев затрагивается в целом ряде материалов⁶⁶.

Целью экспедиции, организованной по поручению Временного Национального Правительства, был десант польского отряда на берегах Литвы для соединения с находившимися там партизанскими отрядами повстанцев. В составе экспедиции, по словам Лапинского, было 141 человек рядовых: 86 поляков, 22 француза, 16 итальянцев, 3 англичанина, 3 немца, 3 швейцарца, 2 русских, 2 бельгийца, 2 мадьяра, 1 голландец и 1 хорват. Кроме того было 23 человека командного и вспомогательного персонала (в том числе 5 иностранных офицеров).

Познакомившись в Лондоне до начала экспедиции с Герценом и Огаревым, Лапинский договорился с ними об участии в экспедиции Михаила Бакунина, который присоединился к отряду 26 марта в шведском порте Гельсинборге.

Экспедиция была организована недостаточно конспиративно и, в результате, превратилась в трагическую пародию на черкесскую экспедицию Лапинского.

Экспедиционный отряд отправился 23 марта 1863 г. из Лондона на английском пароходе «Уорд Джэксон» под командой капитана Роберта Уоссерли, так же, как первая экспедиция на английском пароходе «Кэнгуру» под командой капитана

Нэггса. Но в отличие от капитана Нэггса, капитан Уоссерли оказался трусом и в страхе перед русскими крейсерами сбежал с парохода в Копенгагене. Отсюда пароход под командой датского капитана направился в шведский порт Мальмэ, где и был задержан 30 марта по приказу шведского правительства.

Из секретной переписки русского посла в Швеции с министерством иностранных дел видно, что русские агенты внимательно следили за каждым действием Бакунина и Лапинского в Скандинавии. Так, в секретной депеше от 26 марта сообщается в Петербург о поездке Бакунина вместе с Лапинским из Мальмэ в Копенгаген, а в депеше от 29 марта о встрече Лапинского с приехавшим в Швецию Владиславом Мицкевичем (сыном поэта).

МОХАММЕД-ЭМИН

Портрет из «Кавказского календаря на 1861 го»

В своих воспоминаниях Владислав Мицкевич дает чрезвычайно резкую характеристику Лапинскому: «Лапинский, экс-агент Чарторыйского на Кавказе, был одним из тех авантюристов, которые вмешивались в разные предприятия эмиграции, чтобы получить если это возможно, деньги, и во-время исчезнуть. Было преступлением доверить столь важное командование этому подозрительному пьянице. Я узнал, что он шатается по кабакам, а друзья-шведы сообщили мне, что если пароход спешно не выйдет в открытое море, то потом будет уже поздно».

По словам Мицкевича он убеждал Бакунина, что нельзя оставлять отряд волонтеров «под командой Лапинского, который сам подает им пример дурного поведения» и является «индивидуумом аморальным и вредным», но Бакунин зашищал Лапинского⁶⁷.

Свидетельство Мицкевича не может быть беспристрастным, так как он относился к Лапинскому, как к представителю враждебной политической партии. Однако, для характеристики образа жизни Лапинского небезинтересны записи в

дневнике одного из волонтеров, Владислава Марцинковского, совпадающие с отзывом Мицкевича: «Полковник пьет вино бордо, а нас оставляет голодными. Он спаввает женщин и ест изысканные кушанья за деньги несчастных поляков. Как такой человек мог руководить экспедицией, в которой нужно столько внимания к вещам, казалось бы, самым незначительным. Он кутит в то время, когда его подчиненные терпят голод и жажду на корабле, полном насекомых»⁶⁸.

Судьба экспедиции осложнялась еще тем, что правительственный комиссар экспедиции, назначенный Жюндом Народовым (Временным Национальным Правительством), Юзеф Демонтович не доверял Лапинскому и ссорился с ним. По мнению Герцена экспедиции вредил и секретарь Лапинского, взятый им в Лондоне, Стефан Полес (он же Тугендгольд). Однако, подозрение Герцена, что Полес был русским агентом, пока не подтверждается данными русских архивов⁶⁹.

После двухмесячного пребывания в Швеции Лапинский с частью отряда принял отчаянную попытку десанта.

На датской шхуне «Эмилия» отряд приблизился к берегам Литвы недалеко от Мемеля и ночью 11 июня 1863 г. была спущена на воду большая шлюпка с волонтерами, которую вела на буксире к берегу лодка с офицерами.

Вот как описывает сам Лапинский этот трагический эпизод в своих воспоминаниях:

«В течение пяти минут первый транспорт был уже в лодках и, попрощавшись с капитаном, мы отшвартовались от корабля. Уже при посадке море не было таким спокойным, как днем, и ветер дул с берега. Едва лишь мы отделились на двести саженей от корабля, как первая слабая волна ударила по лодкам и словно буря только поджидала нас, вдруг поднялся сильный ветер и с каждым мгновением море становилось все более бурным. Матросы с натугой налегали на весла, а я сам сидел за рулем. Но наши усилия были тщетны, мы видели, что вместо того, чтобы приближаться к берегу, нас относило крепчающим ветром все дальше в море, волны все яростней хлестали шлюпку и наполняли ее водой. Положение стало критическим, нужно было возвращаться на корабль, который, неизвестно по какой причине, вместо того, чтобы держаться поближе к нам, отделился от нас на добрых полмили. Я дал сигнал тревоги несколькими выстрелами из револьвера, но корабль не приближался. Солдаты с большой шлюпки кричали, что вода им доходит до щиколоток, и вскоре уже до колен. Я приказал им вычерпывать воду манерками, но это очень мало помогло. Едва они успевали вычерпать немного воды, как новая волна наполняла шлюпку.

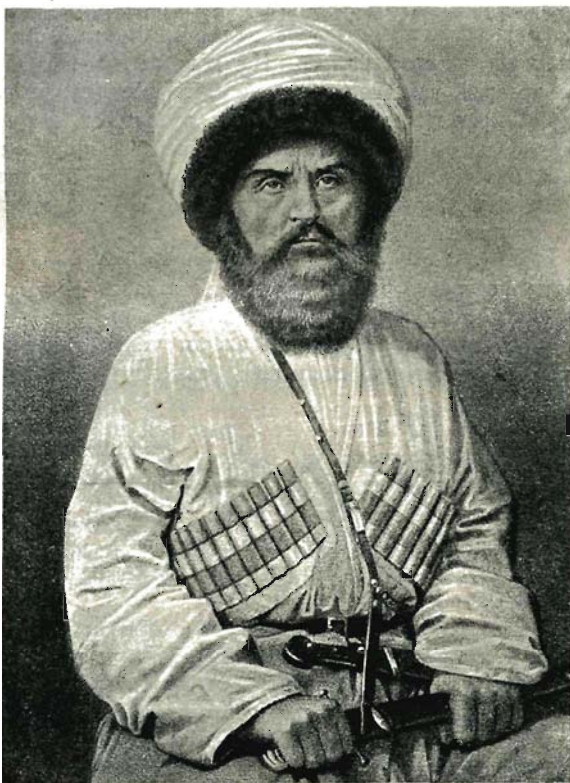
Я не мог понять, почему корабль не идет к нам на помощь и несколько раз давал тревожные выстрелы. Наконец, там подняты паруса, он приближается к нам — вот-вот он около нас на расстоянии десяти локтей, но вдруг, не спуская парусов, он стрелой проносится мимо и во мгновение ока снова отделяется от нас на двести саженей. На палубе слышны голоса и шум, на шлюпках царит молчание и спокойствие, хотя уже каждому понятна грозная опасность. Неумоимо продолжается борьба, гребцы делают нечеловеческие усилия, солдаты и офицеры изо всех сил вычерпывают воду, но буря еще усиливается, вал за валом обрушивается на лодку. Большая шлюпка уже полна водой до краев, солдаты сидят по пояс в воде. В маленькой лодке, более крепкой и лучше сделанной, воды еще сравнительно мало.

Так мы боремся минут пятнадцать, тем временем корабль, как одурелый, мечется то в ту, то в другую сторону, но не приближается к нам; наконец, он подходит к нам на расстояние ста саженей, а меж тем огромная волна набегаёт на нас сбоку, а меньшую лодку удается с помощью весел и руля временно привести в равновесие.

С жалобным протяжным криком, с криком смерти настолько страшным, что задрожал даже я, человек, не отличающийся слабостью нервов и ни на мгновение не утративший хладнокровия в продолжение всей катастрофы, с криком, которого я не забуду до своей смерти, тридцать шесть моих лучших товарищей погрузились в бурные волны. Первая лодка еще держалась на поверхности, но прикрепленный

к большой шлюпке канат тянул ее корму вниз, а нос ее встал на дыбы. Еще секунда и мы погибли. В это мгновение я схватил топор, лежавший у моих ног, и с ловкостью, которой я сам в себе не подозревал, перерубил канат. Лодка выпрямилась, матросы напрягли свои силы и мы отплыли от места катастрофы»⁷⁰.

Это описание, сделанное пятнадцать лет спустя, в общих чертах совпадает с тем, которое сделал через несколько дней после катастрофы волонтер француз Анри Ружемон. Однако, в отличие от Лапинского он говорит о том, что шлюпка наполнилась водой не от шторма, а оттого, что дно шлюпки давало течь и вовсе не упоминает о загадочных эволюциях корабля.

ШАМИЛЬ

Портрет из «Кавказского календаря на 1861 год»

«Едва мы вошли в шлюпку, как она стала наполняться водой, проникавшей через дно. Однако, радость не покидала нас, наоборот, многие из молодых храбрецов, которые должны были через несколько минут умереть, находили еще возможным подшучивать над своевременностью устроенной нам ножной ванны. Была глубокая ночь, и в море вода прибыла от ветра с суши. Вода все поднималась в шлюпке, она доходила нам почти до колен, гребцы лодки, извешенные об опасности криками ужаса самых молодых из нас (были шестнадцатилетние), удвоили свои старания, но мы шли против ветра, и шлюпка была почти полна. Это был момент невыразимой тоски: тридцать два человека поднимали к небу умоляющие взоры, и бог принимал их немую и торжественную молитву. Затем волна покрыла все, раздались несколько криков и в продолжение нескольких минут можно было видеть редких пловцов, храбро, но бесплодно борющихся с яростью волн. Лодка с нашими офицерами, буксировавшая нас, перерезала свой канат и убегала при помощи весел от этой ужасной сцены»⁷¹.

Сохранилось еще третье воспоминание об этой катастрофе в дневнике Марцинковского, которое дает некоторые ценные подробности:

«Ганкевич и я сели в лодку, которая должна доставить большую шлюпку на берег. Два матроса тоже берутся за весла. Янджевский правит рулем. Полковник, капитан Пеллегрини и капитан Тышкевич уселись на корме. Отплываем. Шлюпка погружена в море до бортов. Шлюпка эта — новая и вода проникает в нее со всех сторон; впрочем велика и тяжесть всех этих людей, снабженных ранцами, саблями, ружьями, револьверами, подсумками и патронами. И вот уже через несколько минут мы слышим тревожные крики: «Мы тонем!» Полковник приказывает выбросить все ранцы в море. Некоторые солдаты сделали это, другие еще держат свои ранцы за ремни. Кричим им, чтобы бросали. Тревога растет. Из-за всех сил мы взываем к кораблю, чтобы он подъехал к нам, потому что противный ветер мешают нам к нему приблизиться. Но корабль далеко. Страшное отчаяние царит на шлюпке, которая уже полна водой. Мы иступленно гребем. Внезапно раздается невероятный крик ужаса и несчастные волонтеры погружаются в бездну. Большинство из них больше не показалось на поверхности, но несколько немногих умеющих плавать вызывают о помощи. Шутник Тибо в то мгновение, когда тонул, крикнул нам: «Идем к акулам, похлопочем о вас». Лосевич держит портрет женщины, целует его и тонет.

Еще минута и наша лодка будет захвачена потерпевшими крушение.

Молодой матрос перерубил канат, который запутался в ногах капитана Тышкевича. Двумя ударами весел мы добрались до корабля⁷².

Из тридцати двух волонтеров удалось спасти только восемь.

Так закончилась третья и последняя авантюра Тевфик-бей — полковника Лапинского.

Неудача десанта заставила Лапинского отказаться от продолжения экспедиции. Шхуна «Эмилия» повернула к шведскому острову Готланду. Здесь остатки отряда были задержаны полицией и на шведском фрегате препровождены в Лондон.

Герцен вспоминает в «Былом и думах»: «Огорченный и раздосадованный приехал Лапинский в Лондон. «Остается одно, — говорил он, — составить общество убийц и перебить большую часть всех царей и их советников... или ехать опять на Восток в Турцию»⁷³.

Именно в это время Лапинский познакомился с Марксом и беседовал с ним по вопросу об организации немецкого легиона на помощь Польше.

Этой идее не суждено было осуществиться не только из-за отсутствия необходимых средств, но, повидимому, и потому, что польское Временное Национальное Правительство, надеясь на военную поддержку европейских держав (Франции, Англии и Швеции), боялось допустить на территорию Польши национально-революционные отряды. Поэтому, например, не была реализована аналогичная мысль об организации итальянского легиона.

После подавления польского восстания Лапинский переселился в Париж.

По некоторым местам из его мемуаров *Powstańcy na morzu w wyprawie na Litwę* можно судить, что Лапинский путешествовал в конце шестидесятих годов по Италии и по Испании, в 1867 г. был в Париже и затем в Швейцарии, где снова встретился с Герценом⁷⁴.

Повидимому, в начале 70-х годов Лапинский был амнистирован австрийским правительством и переселился на родину в Галицию.

Умер Лапинский в возрасте 59 лет в 1886 г.

V

Литературная деятельность Лапинского, помимо журнальных статей и памфлетной брошюры, исчерпывается тремя книгами мемуарного характера.

Первая книга Лапинского «Поход главной венгерской армии в 1849 году» построена на основе его дневников и написана чрезвычайно сухо и лаконично.

В предисловии к этой книге Лапинский писал:

«Побуждаемый моими знакомыми обнародовать пережитое мной во время венгерского похода, я выбрал из моего дневника все наиболее значительное и интересное.

Все, что я рассказываю, — это факты; я не пощадил ни одну партию, где она заблуждалась, и не отказывал ей в признании, где она того заслуживала. Мой стиль, может быть, шероховат, но я признаюсь откровенно, что у меня нет гладкости журналистов, я писал так, как я чувствовал и как подсказывало мне внутреннее убеждение. Особенно я стремился рассеять тьму, которая до сих пор скрывает поступки и личность Гергея и которую многие до сих пор стараются сохранить в неприкосновенности.

Вторая книга Лапинского «Горцы Кавказа и их борьба с русскими за свободу» значительно отличается от первой сложностью своего построения и обнаруживает явное желание автора по-своему препарировать фактический материал.

В первом томе Лапинский дает подробное описание гражданской организации, быта и нравов черкесов и отводит много места собственным научным (вернее наукообразным) рассуждениям об этнологических и лингвистических связях кавказских горцев. Этот том заканчивается памфлетной главой об экспансии русских на Восток.

Во втором томе Лапинский рассказывает о своей экспедиции к черкесам, причем во многих местах сознательно нарушает историческую достоверность и беллетризирует материал. Прежде всего он совершенно отбрасывает историю интриг и предательства полковника Банди и даже не упоминает о его участии в экспедиции.

События, описываемые в книге в момент ее опубликования (1863 г.), были еще у всех на памяти и разоблачение организационной стороны экспедиции могло бы вызвать дипломатические неприятности. Поэтому Лапинский совершенно замалчивает или упоминает только вскользь причастность многих лиц к экспедиции (лорд Стрэтфорд де Рэдклифф, генерал Замойский, его агенты Калинка и братья Иордан, Фергад-паша и др.).

Зато фигуры главных участников событий: директора оттоманской почты Измаил-паша, черкесского князя Сефер-паша, его сына Ибрагима Карабатыря, наиба

СТОКГОЛЬМ

Гравюра

Музей изобразительных искусств, Москва

Мохаммед-Эмина, лейтенанта Арановского и др. охарактеризованы с несомненным литературным дарованием. Отдельные черты их характеристики намеренно сгущены и подчеркнуты, описание злоключений польского отряда сделано с явной установкой на героизм, однако сравнение с историческими материалами показывает, что Лапинский в общем правильно излагает основные события и роль отдельных лиц в черкесской эпопее.

И, наконец, третья книга Лапинского «Морская экспедиция повстанцев на Литву», формально принадлежащая к жанру мемуаров, по методу своего построения скорее напоминает авантюрный исторический роман и отличается типичными романскими приемами: временными перестановками, диалогами, искусственным сведением главных героев в одном месте и т. д.

Нужно вспомнить, что эта книга вышла через пятнадцать лет после описываемых событий. Сам Лапинский говорит, что дневниковые записи, веденные им во время польского восстания, были им потеряны во время поездки в Швейцарию и некоторые эпизоды и имена изгладнились из его памяти⁷⁵.

В то время, когда Лапинский писал свои воспоминания, большинства описываемых им лиц уже не было в живых и это дало ему возможность свободно распоряжаться материалом.

В последние годы своей жизни Лапинский, повидному, совершенно отошел от политической жизни. Только этим можно объяснить его сообщения о том, что Маркс в годы знакомства с ним (т. е. в 1863 г.) «еще только начинал выступать на политической арене» и т. п.

Целью Лапинского является доказать, что он был вовлечен в польскую экспедицию против своего желания и оправдаться в ее неудаче. Поэтому он преувеличивает роль Герцена в подготовке экспедиции и создает эффектную, но совершенно недостоверную сцену свидания знаменитых революционеров, в том числе и Маркса, на квартире Герцена.

Знакомство Лапинского с Марксом на квартире Герцена не могло состояться, прежде всего потому, что Маркс никогда не бывал у Герцена.

В действительности, Лапинский познакомился с Герценом в Лондоне до отправки экспедиции, приблизительно в январе—феврале 1863 г. и несколько раз бывал у него в доме, как видно из цитированных мною писем Герцена и посвященной Лапинскому главы «Былого и дум».

С Марксом же Лапинский познакомился уже после своего возвращения из экспедиции, скорее всего в начале августа 1863 г., и встречался с ним, повидному, не один раз. Это подтверждается двумя письмами Маркса к Фридриху Энгельсу от 15 августа и 12 сентября 1863 г.

В первом письме Маркс писал:

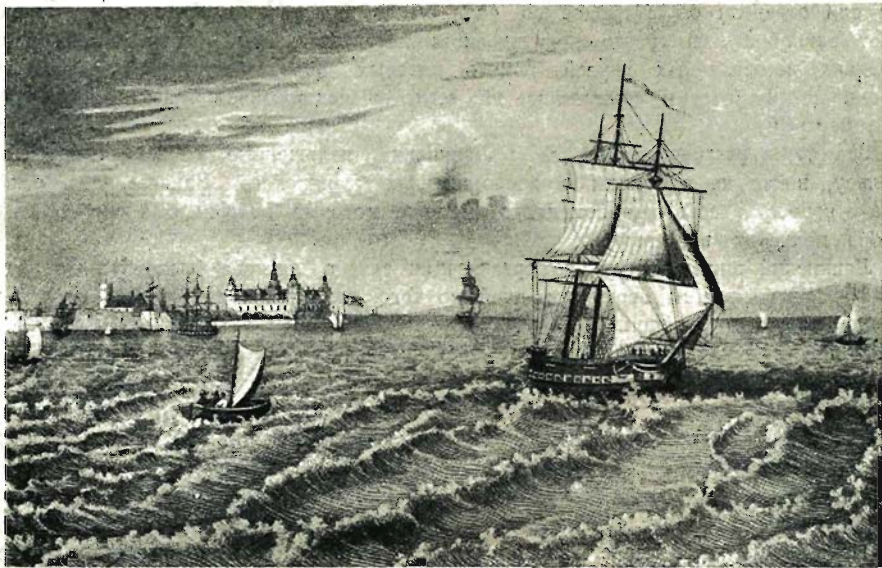
«Польская история совершенно испорчена тем же Бустрапой [ироническое прозвище Наполеона III] и влиянием, которое получила партия Чарторийского, благодаря его интригам. Полковник Лапинский, который всего несколько дней назад возвратился из своих скитаний, начатых совместно с Бакуниным и столь великолепно прекращенных Пальмерстоном у шведского побережья, очень жалуется на то, что комитеты в Варшаве, Лондоне и Париже находятся под бонапартистско-чарторийским влиянием»⁷⁶.

Сообщение Маркса любопытно тем, что оно характеризует колебания во взглядах Лапинского во время польского восстания. Оно подтверждает мнение Герцена о том, что у Лапинского не было твердых политических убеждений и что ко всякой революции и войне он относился, прежде всего, как «военный по ремеслу».

В своих разговорах с Марксом Лапинский, повидному, пытался выставить себя радикальным республиканцем и демократом. В этом смысле характерно, например, такое высказывание Лапинского:

«Лапинский говорит, что крестьян — эту «насквозь реакционную сволочь» de prime abord [на первое время] пришлось оставить в покое. Но сейчас они уже созрели и наверное восстанут поголовно по приказу правительства»⁷⁷.

Во втором письме к Энгельсу Маркс подробно излагает свой разговор с

ПРОЛИВ ЗУНД

Гравюра

Музей изобразительных искусств, Москва

Лапинским и, таким образом, мы имеем возможность проверить темы их беседы, указанные в воспоминаниях Лапинского.

Естественно, что большое место заняли в разговоре Дэвид Уркарт и роль венгерских эмигрантов в черкесской истории. Маркс пишет:

«Лапинский заявил мне, что нет ни малейшего сомнения, что не только у Банди, но и у Штейна, Тюрра, Клапки и Кошута существует соглашение с Россией»⁷⁸.

Шпионская связь Банди и Штейна с русским правительством подтверждается целым рядом фактов и документов, но о русских связях полковника Тюрра, впоследствии отличившегося в гарибальдийском движении, у нас нет достоверных данных. Что же касается соглашения Кошута и Клапки с Россией, то, повидимому, Лапинский намекал на идею Кошута о сближении Венгрии с Россией, приведенную в показаниях Банди.

В той же беседе Лапинский достаточно иронически отозвался о русских эмигрантах: «Герцен и Бакунин, по словам Лапинского, совершенно *chap fallen* [приуныли], ибо русские, если их немного поскрести, все-таки оказываются татарами.

Бакунин превратился в чудовище, а *huge mass of flesh and fat* [огромную тушу мяса и жира], он с трудом может передвигаться. Кроме того, он бешено ревнует свою семнадцатилетнюю польку, которая вышла за него замуж в Сибири из-за его мученичества. Сейчас он в Швеции и делает там «революцию» с финнами»⁷⁹.

С этим отзывом о Бакунине любопытно сопоставить одно место из мемуаров Лапинского «*Powstańcy na morzu*», где он рассказывает, что только познакомившись с женой Бакунина — Антосей Квятковской — он понял самопожертвование Бакунина, отправившегося в опаснейшую экспедицию.

Однако, в тех же мемуарах Лапинский не один раз вспоминает о Герцене с большим уважением, как об истинном друге дела освобождения народов.

Вот что, например, говорит Лапинский о Марксе, Огареве и Герцене:

«Имена людей, о которых я здесь вспоминаю, принадлежат истории и известны всему миру. Можно иметь отличные от них политические убеждения, но нельзя отказать им в высокой оценке. Это не **были** политические спекулянты, гонящиеся за удовлетворением личных потребностей, каждый из этих людей, как будто вылитый из меди, недоступен был соблазну, всякие сокровища и все блага этого

мира они отвергли бы с гордостью, если бы за них должны были отступить хотя бы от единой буквы своего политического катехизиса. Мы, поляки, имели в них искренних и сердечных друзей, память которых должна остаться для нас священной, потому что, к сожалению, их всех, за исключением Маркса, призвала к себе смерть»⁸⁰.

Все темы разговоров Маркса с Лапинским, изложенные в письмах Маркса к Энгельсу, никак не отражены в воспоминаниях Лапинского. Единственное исключение — вопрос о создании немецкого легиона, который должен был выступить на стороне польских повстанцев.

Лапинский пишет, что идею организации такого легиона выдвинул Маркс в беседе с Лапинским за несколько дней до того, как Лапинский принял командование над польским отрядом.

В действительности, дело происходило иначе.

Маркс писал Энгельсу:

«Его [Лапинского] целью в Лондоне является сейчас образование легиона хотя бы в 200 человек, который выступил бы против русских в Польше под черно-красно-золотым знаменем, отчасти для того, чтобы «позлить» французов, отчасти же для того, чтобы попытаться хоть в последний раз «привести в чувство» немцев в Германии.

Нехватает только денег. Предпринимаются попытки использовать для этой цели все здешние немецкие ферейны и т. д. Ты лучше всех знаешь, можно ли сделать что-нибудь в этом line [направлении] в Манчестере. А дело само по себе великолепное»⁸¹.

Итак, разговор между Марксом и Лапинским о создании немецкого легиона действительно происходил, но не до отправления Лапинского в экспедицию, а после его возвращения. Перенос этого разговора во времени потребовался Лапинскому для того, чтобы еще сильнее подчеркнуть его нежелание командовать морской экспедицией на Литву.

Мысль о легионе возникла не у Маркса, но у самого Лапинского. Здесь и во многих других случаях Лапинский приписывает собственные слова и мысли другому лицу.

Однако, как видно из письма Маркса, идея немецкого легиона действительно показалась ему «великолепной» и он решил мобилизовать все возможности для ее осуществления. Поэтому содержание высказываний Маркса о Польше, передаваемых Лапинским, заслуживает внимания, хотя их приподнятый патетический тон должен быть отнесен всецело за счет автора мемуаров. Точно так же склонный к гиперболизации Лапинский увеличил численность предполагаемого легиона до 1000 человек вместо 200, о которых шла речь в беседе.

В своих воспоминаниях Лапинский сознательно смягчает резкость отрицательной оценки Мадзини, данной Марксом. Маркс не мог говорить о «несравненном политическом уме» Мадзини — он отзывался о нем в своих письмах к Энгельсу гораздо резче и определеннее: «Мадзини разыгрывает из себя в своем кабинете Маккиавели», «челепо-пошлая речь Мадзини», «высокопарный доминиканский стиль Мадзини» и т. д.

В заключение нужно сказать, что оценка, данная Лапинскому Герценом, подтверждается полностью при анализе его деятельности на протяжении двух революций: венгерской и польской и двух войн: Крымской и Кавказской.

История его жизни — это история превращения офицера революционной армии Лапинского в военного авантюриста Тевфик-бея.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Маркс и Энгельс, Сочинения, т. XXIII — Переписка (1861—1867), М., 1932 г., стр. 164.

² «Письма М. А. Бакунина к А. И. Герцену и Н. П. Огареву», Женева, 1896 г., стр. 117 (письмо от 31 марта 1863 г.).

³ Там же, стр. 118 (письмо от 9 апреля 1863 г.).

⁴ Герцен, т. XVI, П., 1920, стр. 229.

- ⁵ Герцен, Былое и думы, гл. «Lapinski — colonel. Poles — aide-de-camp».
- ⁶ Больше всего сообщений о Лапинском имеется в следующих просмотренных мною газетах: «Le Nord», «L'indépendance Belge», «Augsburger Allgemeine Zeitung», «Nationalzeitung», «The Free Press», «The Illustrated London News», «Journal de Constantinople», «Русский Инвалид», «Кавказ» (1857—1863 гг.).
- ⁷ S. Orgelebranda Encyclopedja Powszechna..., Warszawa, 1901, t. IX, str. 461.
- ⁸ Wielka Encyclopedja Powszechna Ilustrowana, Warszawa, 1910, t. XLIII — XLIV, str. 989.
- ⁹ Ottův Slovník Naučný, Praha, 1900, 15 díl, str. 655.
- ¹⁰ A Pallas Nagy Lexicon, Budapest, 1897, XVI köt.
- ¹¹ Szinnyei József, Magyar írók élete és munkái, Budapest, 1900, VII köt., old. 791—792.
- ¹² Biographisches Lexikon des Kaiserthums Oesterreich..., von Dr. Constant von Wurzbach, Wien, 1865, Th. 14, S. 153—154.
- ¹³ K. M. Kertbeny, Alphabetische Namenliste ungrischer Emigration 1848—1864, Brüssel—Leipzig, 1864, S. 34.
- ¹⁴ Ilustrowana Encyklopedija Trzaski, Ewerta i Michalskiego..., Warszawa (1927), t. III, str. 231.
- ¹⁵ Trzaski, Ewerta i Michalskiego Leksykon ilustrowany, Warszawa, 1931, kol. 1222 и Trzaski, Ewerta i Michalskiego Encyklopedja Powszechna w dwu tomach, t. I, A—M, Warszawa, 1933, kol. 1085.
- ¹⁶ Lapinski Theophil (Tefik-bey), Die Bergvölker des Kaukasus und ihr Freiheitskampf gegen die Russen, nach eigener Anschauung geschildert von Theophil Lapinski (Tefik-bey), Oberst und Commandant einer polnischen Truppenabtheilung im Lande der unabhängigen Kaukasier, Hamburg, 1863, Bd. II, S. 184. Мне известны две рецензии на эту книгу Лапинского в русских журналах: А. В. [Висковатова] в «Записках Кавказского орд. Русского географического общества», Тифлис, 1864 г., кн. IV и К. Б.-П. [Бестужева-Рюмина] «Записки Русского географического общества», СПб., 1863 г., кн. I (с обширными извлечениями из 1-го т.). Обе рецензии отмечают значение книги Лапинского для изучения быта и политического устройства черкесов.
- ¹⁷ Lapinski Theophil, Feldzug der ungarischen Hauptarmee im Jahre 1849, Selbsterlebtes von Theophil Lapinski, Hauptmann der ungarischen Artillerie, Hamburg, 1850.
- ¹⁸ Marx K., Herr Vogt, London, 1860. Здесь и в дальнейших цитатах разрядка принадлежит Марксу. Цитирую по русскому переводу, — Маркс и Энгельс, Сочинения, М., 1933, т. XII, ч. I.
- ¹⁹ Там же, S. 80. Русский перевод: Маркс и Энгельс, Сочинения, т. XII, ч. I, стр. 368—369.
- ²⁰ Здесь у Маркса непереводаемый каламбур, основанный на том, что Фогт во время германской революции 1848 г. был одним из пяти «имперских регентов». Фамилия «Фогт» по-немецки значит «наместник, смотритель, судья». Следовательно, «Ex-Reichsvogt» — «бывший государственный наместник», «бывший чиновник».
- ²¹ K. Marx, Herr Vogt, London, 1860, S. 124—125. Русский перевод: Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения, т. XII, ч. I, стр. 433—434.
- ²² Так в тексте Маркса. Повидимому, это опечатка. Надо: Риме-Сомбат.
- ²³ Там же, S. 128—130. Русский перевод: Маркс К. и Энгельс Ф., Сочинения, т. XII, ч. I, М., 1933, стр. 444—445.
- ²⁴ См. Aufzeichnungen eines Honvéd, Bd. II, Leipzig, 1850; Görgey und die Capitulation bei Vilagos, Leipzig, 1850; Görgey, Klapka, Vilagos, Komorn. (Authentische Mittheilung bisher noch nicht veröffentlichter Erlebnisse von zwei entlassenen Honvéd-Offizieren), Leipzig-Pesth, 1850; Nedbál F., Kritische Bemerkungen zur Brochure: «Feldzug der ungarischen Hauptarmee» von Theophil Lapinski, Hamburg, 1850 и другие источники, цитируемые мною ниже. Противоположную оценку событий дают следующие источники: Görgei A., Mein Leben und Wirken in Ungarn in den Jahren 1848 und 1849, Bd. II, Leipzig, 1852; Szilanyi, Komorn im Jahre 1849..., Leipzig, 1851, а также русские и австрийские мемуары и исторические очерки «венгерской войны».
- ²⁵ Szinnyei József, Komárom 1848—49-ben (Nápló-jegyzetek), Budapest, 1887.
- ²⁶ Thaly Sigismund, colonel, The fortress of Komárom (Comorn) during the war of independence in Hungary in 1848—49, London, 1852, p. 200—201.
- ²⁷ Th. Lapinski, Feldzug der ungarischen Hauptarmee..., S. 233—235.
- ²⁸ Там же, S. 236—237.
- ²⁹ Hamary Dániel, Komáromi napok 1849-ben, Pesth, 1869.
- ³⁰ Th. Lapinski, Feldzug der ungarischen Hauptarmee..., S. 237.
- ³¹ Pamiętnik generała [J.] Wysockiego, dowódcy legionu polskiego na Węgrzech..., wyd. 2, Kraków, 1888, str. 139. Шеститомное издание «Generał Władysław Zamoyski (1803—1868)», Poznań, 1910—30, к сожалению отсутствует в московских и ленинградских библиотеках (за исключением 2-х первых томов).

³² Ph. Korn, Die neueste Chronik der Magyaren, Bd. I — Kossuth und die Ungarn in der Türkei, Hamburg — New York, 1851.

³³ Ibid., Bd. II — Die Russen in Ungarn und die Ungarn in Deutschland, Hamburg — New York, 1852 (особенно S. 318—321).

³⁴ Heinrich Ritter v. Lewitschnigg, Kossuth und seine Bannerschaft (Silhouetten aus dem Nachmärz in Ungarn), Pesth, 1850, Bd. II, S. 271—272.

³⁵ Биографические сведения о Банде даны мною, главным образом, на основе его собственных показаний. См. «Confessions of Bangya before the council of war» в газете «The Free Press», Special number on Circassia, London, 1858, v. VI, N 16 (12 May) pp. 121—125 и в русском переводе «Кошия показаний, данных Мехмед-бею эмигрантскому совету в Черкессии» [с собственноручными пометками Банди], в кн.: «Кавказский сборник», Тифлис, 1887 г., т. XI. Интересные, но не всегда достоверные сведения имеются еще в следующих источниках: Осман-бей, майор, Воспоминания 1855 года, — «Кавказский сборник», Тифлис, 1877, т. II; Pap János, A magyar emigránsok Törökországban 1849—61, Pécsset, 1893; Szilágyi Sándor, A magyar forradalom férfiai 1848/49 — ből, Pest, 1850; Reményi Károly, Bangya János (Karabatir [?] Mehemed bej), «Hazánk s. a. Külföld», — Pest, 1868, а также в словарях Паллаша, Сяньэйя и Вурцбаха.

Документальный материал с венгерской эмиграции в Турцию сведен в книге: Hajnal I, A Kossuth emigráció Törökországban, Budapest, 1927.

³⁶ J. Bangya, Gesetzkartikel des ungarischen Reichstages 1847/8. Aus dem Ungarischen nach der Original-Ausgabe übersetzt und mit den nöthigen Citaten versehen, Pressburg, 1848.

³⁷ «Архив К. Маркса и Ф. Энгельса». М. — Л., 1930, т. V.

³⁸ K. Marx, Herr Vogt, S. 124—125.

³⁹ Русский перевод памфлета К. Маркса и Ф. Энгельса, Великие люди эмиграции — напечатан в «Архиве К. Маркса и Ф. Энгельса», М. — Л., 1930, т. V.

⁴⁰ Маркс и Энгельс, Сочинения, тт. XXI, XXII и XXV. — Переписка, М. — Л., 1929—1934 г. (см. по указателю имен).

⁴¹ Маркс и Энгельс, т. XXII, стр. 183.

⁴² См. исчерпывающий очерк жизни и деятельности Сефер-паши, составленный на основе обширных материалов кавказских военных архивов Е. Д. Фелицыным: Князь Сефер-бей Зан, политический деятель и сборник независимости черкесского народа — «Кубанский Сборник», Екатеринодар, 1903 г., т. X, см. также: Oliphant L. The Trans-Caucasian Campaign of the Turkish Army, Edinburgh — London, 1856. Султан-Крым-Гирей, Сифир-паша, князь Шапсугский, — «Кубанские Войсковые Ведомости», Екатеринодар, 1865 г., № 46, «Кавказский Сборник», тт. II—X и «Акты, собранные Кавказской Археологической Комиссией», Тифлис, 1881—1904 гг., тт. VIII—XII (по указателю имен).

⁴³ Во время организации польских легионов в Стамбул приехал Адам Мицкевич, выступавший на стороне Чайковского против Замойского. См. Mickiewicz A., Korrespondencja, tt. I—II, Paryż, 1871—1873, а также исследования: Rawita-Gawronski F., Sadyk Pasza i Mickiewicz, «Przewodnik naukowy i literacki», 1898, zeszk. IX; его же, Michał Czajkowski, Petersburg, 1901; Szpotański T., Michał Czajkowski w Turcji, «Biblioteka Warszawska», 1911, t. IV; Handelsman M., Mickiewicz w latach 1853—1855, Warszawa, 1933; его же, Czartoryski, Nicolas I et la question du Proche Orient, Paris, 1934; Lewak A., Dzieje emigracji polskiej w Turcji, Warszawa, 1935; Knapowska W., Krytyczne oświetlenie relacji o śmierci Mickiewicza, Poznań, 1935; Pawlicowa M., O formacjach kozackich w czasie wojny krymskiej, Lwów, 1937; Brandstaetter R., Legjon żydowski Adama Mickiewicza, Warszawa, 1932. Существует версия, поддержанная в недавнее время Бой-Желенским, что Мицкевич, скончавшийся в Стамбуле, умер не от холеры, а был отравлен сторонниками партии Чарторыйского (см. Bój-Zeleński, Czy Mickiewicz uparł otruty?, «Wiadomości Literackie», Warszawa, 1932, N 453, его же, Kto «Ząda prawdy», там же, № 455 и ряд писем в дальнейших номерах той же газеты). Однако, гипотеза об отравлении Мицкевича не доказана.

⁴⁴ Маркс и Энгельс, Сочинения, т. XXII, М. — Л., 1931, стр. 53.

⁴⁵ Wimpffen A., Erinnerungen aus der Wallachei während der Besetzung durch die oesterreichischen Truppen in den Jahren 1854—1856, Wien 1878, S. 169.

⁴⁶ О действиях лейтенанта Гордона [Каракрак-бей] и Зверковского см. «Записки Михаила Чайковского» [Мехмед-Садук-паши], — «Русская Старина», М., 1898—1900. Чайковский рассказывает, между прочим, что агенты князя Чарторыйского организовали в горах костелы и распространяли среди черкесов медали, на которых князь Чарторыйский был изображен в качестве короля Польши Адама I. См. также статью Е. Д. Фелицына, Польские эмиссары Зверковский (Le Noir) и Высоцкий у закубанских горцев в 1845 и 1846 гг., — «Кубанские Областные Ведомости», Екатеринодар, 1883, № 43 и В. Кельсиева, Польские агенты в Цареграде, — «Русский Вестник», М., 1869, тт. 81—84; Milkowski Z., W Galicji i na Wschodzie, Poznań, 1880. На большом архивном материале построена книга L. Wi-

derszal, Sprawy kaukaskie w polityce europejskiej, Warszawa, 1934, в которой упоминаются все польские агенты на Кавказе.

⁴⁷ Очень субъективное изложение деятельности Замойского, Лапинского и Иордана, см. в тех же «Записках Чайковского»: «Так как большинство солдат распушенной дивизии искренно любили военное дело, то Замойский, желая во что бы то ни стало помешать поступлению поляков в драгуны, выдумал вместе с англичанами и, главным образом, с лордом Рэдклиффом, снарядить экспедицию на Кавказ, послав туда несколько сот [sic!] поляков под командою Лапинского [sic!], который был произведен в полковники со званием Тевфик-бея. Организация и снаряжение этой экспедиции были поручены братьям Иордан, Владиславу и Сигизмунду, и для этого дела в Турцию и в Англию была собрана довольно большая сумма денег. Экспедиционный отряд высадился на берег в землю шапсугов, в Джубе, где он вел себя самым постыдным образом: пьянство, драки, убийства, своеволие и неповиновение начальству ознаменовали пребывание поляков среди черкес, у которых они сделались посмешищем. Проведя некоторое время [sic!] на Кавказе, в полном бездействии [sic!], они возвратились небольшими партиями в Стамбул». В этом неточном и враждебном описании экспедиции Банди — Лапинского ясно видны отголоски распри Чайковского с агентами партии Чарторыйского. Интересно только указание на буйное поведение отряда, находящее косвенное подтверждение в русских архивных документах. О пристрастии самого Лапинского к вину упоминают и другие современники, например, Владислав Мицкевич и Владислав Марциновский. Для дополнения психологической характеристики Банди и Лапинского любопытно следующее место из книги «Венгерские эмигранты в Турции» Яноша Папа: «Бандя и Лапинский были честолюбивыми и гордыми людьми. С высшими они были лютыми и даже низкопоклонными, но со своими подчиненными грубыми и жестокими» (Pap János, A magyar emigránsok Törökországban 1849—1861, Pécselt, 1893).

⁴⁸ См. документы кишеи Чарторыйских в книге Wydawnictwo materialów do historii powstania 1863—1864, t. I—V, Lwów, 1888—1894.

⁴⁹ Th. Lapinski, Die Bergvölker des Kaukasus..., Bd. II.

⁵⁰ Высадка в 1867 г. на черкесский берег польско-английского десанта, — «Кавказский сборник», т. X, Тифлис, 1887.

⁵¹ См. корреспонденции «Augsburger Allgemeine Zeitung», 1857—1858.

⁵² Акты, собранные Кавказской археографической комиссией, т. XII, ч. 3, Тифлис, 1904 г., стр. 707—708.

⁵³ См. письмо венгерского офицера Осман-Аги (Кёлсра) — адъютанта Мехмед-бея [Банди] в редакцию газеты «Пештер Ллойд». Перепечатано в газете «The Illustrated London News», 1857, № 851, March 28 th, p. 280.

⁵⁴ Письмо Лапинского к *** [Измаилу] Паше из Азербиджи, Черкессия, см. «The Free Press», London, 1858, v. VI, N 20, p. 155.

⁵⁵ Абдечарий, Искатели приключений в среде народов Западного Кавказа, — «Кубанские Войсковые Ведомости», Екатеринодар, 1874 г., №№ 17, 22, 23 и 34.

⁵⁶ Маркс и Энгельс, Сочинения, т. XXII, стр. 337. Русский перевод трех писем Банди к генералу Филипсону см. в статье Е. Д. Фелицына, Сефер-бей-Зан..., — «Кубанский Сборник», 1903 г., т. X. См. также рапорт генерала Филипсона (приложение к статье М. Рукевича, Адагумский отряд, — «Кавказский Сборник», Тифлис, 1896 г., т. XVII).

⁵⁷ Статьи Маркса о Банде см. в «The Free Press», London, 1857, v. IV, № 34, № 42, 1858, v. VI, № 16, 17 и 20. Материалы военного суда и письма польских и венгерских эмигрантов там же, v. VI, № 16 и 17.

⁵⁸ Russia. A curious piece of history, «The New York Daily Tribune», 1858, June 16 th. и другая статья там же, September 23. (Русский перевод в книге: Маркс К. и Энгельс Ф., Сочинения, т. XI, полумтом I, М., 1933 г.).

⁵⁹ См. Н. Карлгоф, Магомет-Амин, — «Кавказский календарь на 1861 год», Тифлис, 1860 г.; его же, О политическом устройстве черкесских племен, — «Русский Вестник», М., 1860 г., № 2; Казем-бек М. А., Мохамед-Амин, — «Русское Слово», СПб., 1860 г., № 6; Шапововский Л., Записки старого казака, — «Военный Сборник», СПб., 1872 г., № 6; А. Д. Г., Очерк горских народов правого крыла кавказской линии, — там же, 1860 г., № 1; Муравьев Н. Н., Война за Кавказом, СПб., 1877 г., т. I, ч. 2. Рыжов, С. Махмед-Амин в Петербурге, — «С.-Петербургские Ведомости», 1860, № 104; Магомет-Амин, — «Иллюстрация», 1860, т. V, № 108.

⁶⁰ События излагаются по архивным документам, использованным в книге Л. Видершала.

⁶¹ Записка Лапинского (доставленная начальнику Главного штаба...), «Акты, собранные Кавказской Археографической Комиссией», Тифлис, 1904 г., т. XII, ч. 3, стр. 913—924.

⁶² См. D. Urquhart, Speech in the reply to the toast of «Circassia: the Bulwark of India», «The Free Press», London, 1858, v. VI, N 16, pp. 127—128 и его же, To the chiefs and clans of Circassia (letter, May 8, 1854), там же, p. 128. См. также Bell J. S., Journal of a residence in Circassia during the

years 1837—1839, London, 1840, v. I—II (есть французский и немецкий переводы) и Longworth J. A., A year among the Circassians, London, 1840, v. I—II; о Бэлле см. еще: Филлипсон Г. И., Воспоминания, М., 1885 г. и Маркс К., Пальмерстон, раздел VIII, в кн. Маркс К. и Энгельс Ф., Сочинения, М., [1924], т. X.

⁶³ [Mc Neill J.], Progress and present position of Russia in the East, London, 1836.

⁶⁴ D. Urquhart, Progress and present position of Russia in the East, London, 1836; его же, The Progress of Russia in the West, North and South..., 5 ed., London, 1853; Robinson G., David Urquhart, Oxford, 1920.

⁶⁵ Маркс и Энгельс, Сочинения, т. XXIII, — Переписка, М.—Л., 1932 г., стр. 164.

⁶⁶ Воспоминания самого Лапинского «Powstańcy na morzu w wyprawie na Litwę. Z pamiętników pułkownika Łapińskiego», печатались в «Gazeta Narodowa», 1878, №№ 180—227 и вышли затем отдельным изданием: Lwów, 1878. На русском языке «вольный» пересказ части этих воспоминаний сделан Н. Бергом в статье «Морская экспедиция повстанцев 1863 года», — «Исторический Вестник», М., 1881 г., т. IV. Общий очерк подготовки и судьбы экспедиции дал Герцен в «Былом и думах» (Главы: XIII — «М. Бакунин и польское дело» и XIV — «Пароход «Ward Jackson». R. Weatherly and Co.) см. также статью Герцена «День» и «Колокол» и Полное собрание сочинений и писем, П., 1920 г., т. XVI, комментарии М. К. Лемке к т. XVI сочинений и писем А. И. Герцена, П., 1920 г. и публикации архивных материалов: Архивные материалы Муравьевского музея, относящиеся к польскому восстанию 1863—1864 гг. сост. А. И. Миловидов, Вильна, 1913, ч. I, стр. 45, ч. II, стр. 233, 303, 338; Михаил Бакунин и экспедиция на пароходе «Ward Jackson», — «Красный Архив», М.—Л., 1924 г., т. VII и в кн. «Материалы для биографии Бакунина...», ред. и прим. В. Полонского, т. II, М.—Л., 1933 г., М. А. Бакунин по отчетам III Отделения, — «Красный Архив», М.—Л., 1923 г., т. III. Из иностранных источников главные: Janowski J. K., Pamiętniki o powstaniu styczniowym, tt. I—II, Lwów, 1923—25; Wydawnictwo materiałów do historii powstania 1863—1864, т. V. Lwów, 1894; Sokolowski A., Powstanie styczniowe, Wiedeń, s. a.; Historia Ruchu Narodowego od 1861 do 1864 г., Lwów, 1882, т. II; Giller A., Historia powstania narodu polskiego w r. 1863, tt. I—II, Paryż, 1868—1870; Kozmian St., Rok 1863, Warszawa, 1903; La Pologne et la diplomatie, Paris, s. a.; Zieliński St., Bitwy i potyczki 1863—1864, pod red. A. Lewaka, Warszawa, 1937; Confidential correspondence of the British Government, respecting the insurrection in Poland 1863, ed. by T. Filipowicz, Paris, 1914, pp. 201—202; Poles S., Polska expeditionen och Stephan Poles Malmö-Kjöbenhavn. 1863; Władysław Mickiewicz, Pamiętniki, т. II, 1862—1870, Warszawa, 1928, стр. 281 и сл. (там же в приложении см. польский текст дневника участника экспедиции Марцинковского, рапорт Демонтовича и воспоминания И. Хелльберга). Из новейшей литературы надо отметить: Wereszycki H., Anglia a Polska 1860—1865, Lwów, 1934; Polska działalność dyplomatyczna w r. 1863—1864, pod red. A. Lewaka, Warszawa, 1937; Fellenius K. G., Polska frågäl år 1863, Stockholm, 1936. Существуют также рукописные воспоминания Марцинковского «Wyprawa morska Łapińskiego», письма Лапинского и др. архивные материалы, хранящиеся в Музее Мицкевича в Париже, Архиве библиотеки кн. Чарторыйских в Кракове и быв. Рапперсвильском музее польской эмиграции в Варшаве (см., например, Lewak A., Katalog rękopisów Muzeum Adama Mickiewicza w Paryżu, Kraków, 1931, № 1066 и 1105).

⁶⁷ Władysław Mickiewicz, Pamiętniki, т. II, Warszawa, 1928, стр. 281.

⁶⁸ Там же, стр. 283—284. Ср. также опубликованное М. Лемке в комментарии к «Былому и думах» донесение агента русского посланника в Копенгагене о пребывании польского отряда в Швеции: «С судна сошло на берег более 200 чел., между тем, как часть их уже была размещена в отеле, и около 50 человек еще оставались на борту. Большая часть их — люди крепкие, некоторые уже с седою головой, но попадает много и молодых, почти детей. Среди них находятся представители всех национальностей и, как кажется, больше французов, чем поляков, несколько немцев и, как они сами говорят, двое русских. Большинство из них одето à la zouave: ботфорты, красные шаровары, красный жакет или такая же рубашка и серая солдатская шинель. На головах у всех конфедератки, но оружия не носят, за исключением одного молодого человека, большого роста и белокурого, который вооружен саблею. Многие из них жалуются, что они были обмануты, и заявляют, что никогда не приняли бы участия в таком безумном предприятии, если бы знали, что не существует порта, в котором можно было бы их высадить. У них достаточно денег, и они проводят время во всех кабаках за бутылкою. Все живут в городе; некоторые сняли даже квартиры и заявляют, что желают прожить на месте 4 месяца. Между всем этим людом есть много таких, которые по внешности и приемам производят впечатление вполне приличных людей; есть также достаточно и таких, которые, по видимому, принадлежат к категории авантюристов самого низкого пошиба. Они шагаются по улицам в состоянии полного опьянения и сами рассказывают, что два

судна, снаряженных в одинаковых условиях, должны были немедленно отплыть из Англии». (Герцен, т. XIV, стр. 616).

⁶⁹ Лапинский в книге «Powstańcy na morzu» отрицает версию о том, что Полес был русским агентом. Бакунин считал ее возможной, но недоказанной (см. письмо Бакунина к И. Демонтовичу от 22 октября 1864 г., в книге «Летописи марксизма», т. VII—VIII, М.—Л., 1928 г., стр. 129—130).

⁷⁰ Łapiński, Powstańcy na morzu w wyprawie na Litwę, Lwów, 1878, str. 198—199.

⁷¹ Письмо Анри Ружемона, студента, Эрику Извар (литератору), Вульвич, 29 июня, «Красный Архив», 1925, т. VII, стр. 142.

⁷² Dziennik Władysława Marcinkowskiego, in: W. Mickiewicz, Pamiętniki, t. II, Warszawa, 1927, str. 435—436.

⁷³ Герцен, Былое и думы, гл. Lapinski — colonel. Poles — aide-de-camp.

⁷⁴ См. «Powstańcy na morzu w wyprawie na Litwę», str. 130.

⁷⁵ Там же, str. 112.

⁷⁶ Маркс и Энгельс, Сочинения, т. XXIII — Переписка, М., 1932 г., стр. 162. См. также ст. L. Wasilewski, K. Marx und der Aufstand vom Jahre 1863. Die Idee einer deutschen Legion. Herzog Karl von Braunschweig, «Polen», Wien, 1915, Jahrg. 1, № 27 (основана на книге Лапинского без критической проверки).

⁷⁷ Маркс и Энгельс, Сочинения, т. XXIII, — Переписка, М., 1932 г., стр. 164.

⁷⁸ Там же, стр. 165.

⁷⁹ Там же, стр. 164.

⁸⁰ Łapiński, Powstańcy na morzu w wyprawie na Litwę, Lwów, 1878, str. 57.

⁸¹ Маркс и Энгельс, Сочинения, т. XXIII, — Переписка, М., 1932 г., стр. 164.